

Вардан Багдасарян

**История
и Государственная
политика**

доклад

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Вардан Багдасарян

**История и государственная политика.
*О необходимости формирования
государственной исторической политики
Российской Федерации***

Доклад

Москва, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Государственная историческая политика.....	5
Историческое познание в системе стратегического целеполагания России.....	6
Идеологичность истории.....	10
История и современная геополитика.....	12
Кризис преподавания истории.....	24
<i>Ценностный кризис</i>	24
<i>Когнитивный кризис</i>	30
История в системе образования: потребность в исторических учебниках нового типа.....	35
История в системе массового просвещения.....	38
Кадры для реализации государственной исторической политики.....	39
Раскол исторического сознания.....	42
Феномен «исторического забвения»... ..	50
История как коллективная память.....	51
О необходимости «священной истории»	56
История и новое идеологическое строительство России.....	58
История в государственных гимнах.....	60
История в художественном творчестве: необходимость государственного социального заказа.....	61
Исторический календарь.....	65
Фундаментальные вопросы для российской исторической науки: история и историософия.....	71
Вызовы дезавуирования истории российской государственности.....	78
Резюме.....	86

Введение

Ни одно государство не может существовать исключительно на материальном фундаменте. У каждого из государств имеются базовые ценностные основания его бытия. Проявляются они как исторически воспроизводимая матрица жизнеустройства. Соответственно и выявление их осуществляется преимущественно на основе исторического анализа. Через традиции осуществляется межпоколенческая ценностная трансляция, обеспечивающая накопление исторического опыта и устойчивость самоидентификации социума.

Универсальность положения о ценностной базе бытия государств предполагает наличие определенной системы ценностей и в основании российского государства. Следовательно, должна вестись речь и о российском культурно-историческом типе и о российских цивилизационно идентифицируемых традициях. Однако ни в одном из документов государственного уровня перечень цивилизационно идентичных ценностей России не приведен. Ситуация ценностной неопределенности объективно снижает потенциалы жизнеспособности страны в долгосрочной перспективе. Это обуславливает выдвижение задачи привлечения внимания государственной власти и общественности к сложившемуся положению.

Острые, имеющие по многим параметрам кризисное проявление, проблемы современной России определяются в значительной мере дисфункцией истории. Функциональное назначение истории раскрывается, как известно, по двум интегрированным функциям – познавательной и социальной. Обе эти функции в настоящее время реализуются минимально. Необходимым для исправления сложившейся ситуации является целевое государственное вмешательство. Это вмешательство может быть выстроено в рамках государственной исторической политики. В представленном докладе выдвигается аргументация о необходимости ее формирования.

Государственная историческая политика

Вызовы времени, связанные с особой ролью истории в общественной жизни, внутригосударственных и межгосударственных отношений, диктуют необходимость формирования государственной исторической политики. Понятие историческая политика уже достаточно прочно вошла в научный и общественный дискурс. Впервые оно стало использоваться еще в 1980-е годы в Германии. Появление этого понятия связывалось с курсом Гельмута Коля, добивающегося более позитивного переосмысления феномена немецкого патриотизма. Первоначально понятием «историческая политика» оперировали противники соответствующего политического курса, но затем взяли на вооружение его сторонники. Из Германии следующим шагом понятие распространилось в Польше. В 2004 году группа польских историков выступила с инициативой разработки и проведения активной исторической политики. Опыт ее проведения в Польше имеет давнюю традицию. Еще в средние века в польских интеллектуальных кругах вырабатывались исторические концепты, используемые против геополитических соперников Польши, в частности, против России. Реализация исторической политики на новом этапе уже принесло Польше определенные результаты. Среди них, в частности, извинения, принесенные Российской Федерацией, по весьма запутанному и неоднозначному «Катынскому делу». Во многих других странах, в которых соответствующее понятие не используется, государственная историческая политика реализуется по существу. Таким образом, формулировка задачи разработки и проведения государственной исторической политики России не противоречит мировой государственно-управленческой практике, включая практику западных государств.

Историческое познание в системе стратегического целеполагания России

В актуальной повестке российского государства находится разработка долгосрочной стратегии развития. Стратегия задает переход от одного качественного состояния к другому. Это предполагает определенную историко-временную развертку. Соответственно нужно достичь понимания - куда и в каком направлении движется Россия.

Вопрос о стратегии, таким образом, тесно увязан с методологией осмысления мирового исторического развития в целом. В определенном смысле можно даже говорить об историософской парадигме стратегического целеполагания. Сообразно с принятием той или иной версии мегаистории типологизируются три основные модели:

1. существует единый для всего человечества, универсальный путь развития;
2. существует два пути развития (популярностью одно время пользовалась дихотомия моделей либерального и тоталитарного типов);
3. существует ряд моделей развития, соотносимых с их цивилизационной идентичностью.

В соответствии с такой классификацией стратегия предстает:

- при первой модели как подражание и управленческая экстраполяция;
- при второй – выбор альтернатив;
- при третьей – самоидентификация.

Сам факт тысячелетней истории России, система жизнеустройства которой, имея существенные отличия от западной, позволила обеспечить ей статус мировой державы, противостоять полчищам внешних агрессоров, осуществить хозяйственное

освоение крупнейшего территориального пространства в мире, говорит об уместности обращения к цивилизационным основам конструирования современной российской государственной политики. Но именно эти аспекты в дискурсе официальной стратегизации до недавнего времени отсутствовали. А между тем, успешность бурно развивающихся сегодня стран Востока связана, прежде всего, с их национальной традицией, цивилизационно-ценностными человеческими ресурсами, менталитетом.

Только в 2012 года впервые за долгие годы на уровне высшей власти впервые были произнесены слова о том, что у России свой собственный путь развития, свой собственный цивилизационный код. Заявление было сделано, но пояснения, в чем состоит этот код, не последовало. Пояснить, казалось бы, должны были ученые – гуманитарии, прежде всего, историки. Однако выяснялось, что отечественная гуманитарная наука попросту не готова к решению подобных задач. В категориях определения ценностной матрицы России, ее историософии она не работает.

Поручение президента разработать единый учебник истории был запросом на единую концепцию осмысления российского исторического процесса. Но оказалось, что никакой концепции в запасниках исторической науки нет. Возникло, как показывает обсуждение президентской инициативы принципиальное недопонимание. Президент запрашивает концепцию. В ответ ему предлагается взять набор интерпретируемых тем или иным образом фактов.

Сложившееся положение подводит к осознанию необходимости разработки и реализации государственной исторической политики. Само понятие историческая политика еще не номинировано. Однако вопрос о ее номинации дело времени. Поступившие президентские инициативы и поручения, по сути, и означают начало формирования такой политики.

Сходным путем происходило, следует напомнить, формирование государственной демографической политики. До послания президента Федеральному собранию само понятие демографической политики в лексиконе властей отсутствовало. Мно-

гие признанные демографы выступали против его использования, говоря о независимости демографических процессов от государства. Такие задачи как повышение рождаемости объявлялись противоречащими науке. За основу этой позиции был взят концепт «демографической модернизации», согласно которому сокращение детности есть объективный тренд мирового социального развития.¹ Но ситуацию удалось переломить. Были выдвинуты альтернативные демографические теории, показывающие отсутствие предопределенности репродуктивного угасания в случае целевого воздействия государства (через институты пропаганды, воспитания, образования) на идейно-духовные потенциалы общества. Понятие государственная демографическая политика на сегодня уже прочно входит в лексикон власти и экспертного сообщества.² Не тот же ли путь легитимизации ожидает и государственную историческую политику?

В Конституции СССР давалось в преамбуле развернутое изложение советского исторического опыта от Октябрьской революции до построения «развитого социалистического общества». Подчеркивалась первопроходческая миссия Советского Союза – «впервые в истории человечества было создано социалистическое общество», навсегда было покончено «с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами национальной враждой». Из конкретных исторических событий назывались Гражданская и Великая Отечественная войны. Конституция России 1993 года в противоречие с советской версией принципиально минимизировала историческую компоненту.

Краткое изложение в Конституции истории государства предполагает, что единая признанная ее версия существует. В России признанной версии истории на настоящее время нет.

Однако мировой опыт свидетельствует об обычной практике аккумулированного отражения истории и традиции государств в документах высокого государственно-

¹ Вишневский А.Г. Избранные демографические труды в 2-х тт. М., 2005; Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Тревиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М., 2003; Демографическая модернизация России, 1900 – 2000. М., 2006.

² Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М.: Научный эксперт, 2007.

го уровня. Чаще всего для этого используется текст Конституции.³ В ряде конституций стран мира (в т.ч. в конституциях западных стран) представлено достаточно развернутое изложение исторического прошлого, с объяснением проявляемых через историю ценностей и целей государств. Часто, при юридизированном типе конституций, в качестве аккумулятивного выражения видения исторического прошлого на уровне документов высокого государственного уровня используется текст деклараций суверенитета. Известны прецеденты представления аккумулятивного изложения истории государств и в иных типах государственных документов – манифестах, обращениях национального лидера к нации и т.п.⁴

Ни в конституции, ни в других документах высшего государственного уровня Российской Федерации такой постановки исторического самопозиционирования не содержится. Более того, в Конституции РФ имеется достаточно неоднозначный в цивилизационно-идентификационном значении тезис о «возрождении суверенной государственности». Такая фраза подразумевает, что до принятия новой Конституции прежняя советская модель государственности была несuverенной, и отрицается тем самым факт исторической преемственности РФ по отношению к СССР.

Между тем, на уровне высшей государственной власти, как минимум, запрос на цивилизационноориентированную версию российского исторического прошлого существует. Об этом свидетельствуют, в частности, слова В.В. Путина: «Что же касается каких-то проблемных страниц нашей истории, да, они были. Как они были в истории любого государства. И у нас их было меньше, чем у некоторых других. И у нас они не были такими ужасными, как у некоторых других. Да, у нас были страшные страницы. Но и в других странах пострашнее еще было. Во всяком случае, мы не применяли ядерного оружия в отношении гражданского населения, мы не поливали химикатами тысячи километров и не сбрасывали на маленькую страну в семь раз больше бомб, чем за всю Великую Отечественную войну, как это было во

³ Научный макет новой Конституции России. М.: Научный эксперт, 2011.

⁴ Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. С. 359-396.

Вьетнаме, допустим. У нас не было других черных страниц как нацизм, например, и нельзя позволить, что бы нам навязывали чувство вины».⁵

Соответственно, необходим государственный документ, манифестирующий видение российским обществом своего прошлого. Он должен соответствовать критериям конвенциональности, выдвигая то фундаментальное и интегративное, что сохранилось для российских народов в единой истории страны. Этот документ может иметь, таким образом, значимый смысл как обнаружение через историю России оснований русской (российской) государственности.

Идеологичность истории

В СССР для выражения имманентной идеологичности истории (жестче – ее «партийности») использовалось одно время понятие «исторический фронт». Затем от него отказались как от политизирующего научное знание. Но факт является то, что история более других наук используется в борьбе идеологий. Это не означает недостоверности научного знания. Идеологичность, вопреки распространенному в постсоветский период заблуждению, не является синонимом ненаучности. Идеология, как и наука, является одним из важных способов познания. Она выстраивается, как правило, на научном фундаменте, определенной научной картине мира. Другое дело, что наукой часто манипулируют в политических целях. Так, несколько лет назад мировые СМИ сообщили о подписании десятью тысячами американских ученых, включая 52 нобелевских лауреата обращения, обвиняющего правительство США в манипулировании научными данными.⁶ Прецедент наглядно показал, что в поле манипуляций оказывалась не только история и не только гуманитарные дисциплины. Но само по себе это не подразумевает, что вся наука сфальсифицирована. Соответственно, не является сфальсифицированной и вся идеология. Будь

⁵ Первый канал. Времена. 24.06.07. 18:00; bd.fom.ru/report/map/d072906 -

⁶ <http://intellectual.org.ua/USA1.htm>; Переслегин С. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.-СПб., 2009. С. 38-39.

идеология полностью подложна, она не была бы воспринята населением, а, следовательно, перестала быть идеологией.

Решение в этой ситуации может показаться на первый взгляд очень простым – отделить правду от неправды. Именно такой подход реализовывался при решении создания «Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России». Мотивом ее создания являлась осознаваемая властями потребность установить барьеры очернению и дезавуированию российской истории. Но Комиссия не достигла каких-либо значимых результатов и была распущена. За три года своего существования с 2009 по 2012 гг. она заседала всего дважды. Оказалось, что принцип отделения правды от неправды недейственен. Существует одновременно несколько правд. Каждое историческое событие и явление может быть изложено с различных позиций. В значительной мере эти позиции определяются выбором концепции истории. Установить правильность освещения означало бы признать правильной одной из концепций. А это – государственная идеология, разрыв с доктриной деидеологизации. Пойдет ли власть на такой шаг? Переход от «Комиссии по фальсификации истории» к задаче создания концептуально единого учебника указывает на движение в этом направлении.

Изучение основ науковедения позволило бы избежать произошедшей пробуксовки. Еще в 1960-е годы Т. Кун ввел понятие научной парадигмы. Парадигмы исторически меняются в связи с накоплением нового, вступающего в противоречие с прежними объяснительными моделями, знания. Одновременно сосуществует ряд оппонирующих друг другу парадигм.⁷

Одна из главных проблем при решении поставленной президентом задачи создания единого учебника истории состоит именно в выборе научной парадигмы. Выбор пока не сделан. Отсюда – замешательство академического сообщества, эклектика поступающих предложений, кажущиеся неразрешимыми противоречия интерпретаций.

⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 2009.

Но может быть апелляции к идеологичности истории, это, как говорят либералы, особенность тоталитарных режимов? Обратимся к опыту США, как признанному лидеру западного мира.

Историцизм американцев проявляется сегодня в практическом применении истории как важнейшего средства воспитания граждан. Изучение национального прошлого начинается в США еще на уровне детских дошкольных учреждений. На этом этапе соответствующими стандартами задается формирование знаний детсадовцев о генезисе национального фольклора, государственной символики, вкладе величайших деятелей американской истории. Нравственные императивы реализуются через понятия: «самообладание», «правосудие», «героизм», «лидерство», «личная ответственность» и т.п. Дошкольники учатся определять местонахождение стран и народов, упоминаемых в предлагаемых им педагогом исторических повествованиях. На стадии начальной школы уже используются приемы элементарного исследовательского анализа. Перед учащимися, к примеру, ставится задача реконструкции истории собственной семьи в контексте исторического времени. Российские же школьники начинают изучать историю только в пятом классе, т.е. почти с шестилетним отставанием от американцев⁸.

История и современная геополитика

Хронологически демонтаж СССР начался, как известно, с историографической кампании. Ее начало было приурочено к семидесятилетней годовщине Октябрьской революции. За ревизией истории следовали соответствующие политические выводы. Ревизия прошлого шла в направлении от осуждения сталинизма к дезавуированию всего исторического опыта России. На первом этапе острие критики было направлено против сталинского и, отчасти, брежневского режима, на втором – советского периода в целом, на третьем – всей российской национальной исто-

⁸ Найденова И.С. Современные стандарты обучения истории в школах США// Преподавание истории в школе. 2009. № 5 с. 61-62

рии. В итоге выносился историографический приговор об аномальности на мировом фоне цивилизационного опыта России.

Одним из вызовов времени является новое усиление информационно-идеологического давления на российское государство со стороны различных акторов мировой политики. Давление извне корреспондируется с выступлениями внутри России. История в данном случае используется в качестве одного из главных инструментов. Российское государство дезавуируется не прямым образом, что чревато дипломатическими коллизиями, а опосредовано – через дезавуирование ее прошлого. Хронологически кампания соотносится с проявляемыми намерениями восстановления цивилизационно идентичных суверенных потенциалов российского государства.

Первой акторной нишей в этом «походе» выступает Запад. Ричард Пайпс является в данном случае столь же знаковой фигурой в истории, сколько Збигнев Бжезинский в политологии. Проводится линия обоснования аномальности не только опыта СССР, но всей исторической России.⁹

Вторая акторная ниша соотносится с постсоветским пространством. Заявляется тема геноцида, осуществляемого будто бы в отношении народов соответствующих стран в период их пребывания в составе российского (советского) государства. Через дезавуирование России достигается утверждение легитимности собственного национально-государственного существования. Историческая схема выстраивается следующим образом: 1. существование в прошлом великого национального государства той или иной титульной нацией; 2. ее гибель и лишение суверенитета в результате агрессии России; 3. возрождение национального государства и культуры через освобождение от российской власти.

Третья акторная ниша - внутренняя. Позиция критики российского исторического опыта основывается в данном случае на противопоставлении индивидуальных и групповых интересов интересам государства. С одной стороны, это либеральный

⁹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004; Пайпс Р. : Захаров Русская революция. М., 2005; Пайпс Р. Россия в борьбе со своим прошлым // Россия на рубеже веков. 1991 -2011. М.: РОССПЭН, 2011.

подход, оперирующий положением о подавлении государством в российской истории отдельных личностей. С другой, подход о подавлении Россией стремления отдельных народов к национальному суверенитету. Закладывается искусственно принцип антагонизма между государством и человеком. Оппонируя этому подходу, необходимо проводить разъяснение природы государства, как социальной оболочки, агрегирующей интересы отдельных людей и групп граждан.

Россия исторически выступала под разными идеологическими маркерами. В двадцатом столетии ее позиционирование связывалось с идеологией коммунизма. Реально выстроенная система жизнеустройства имела мало общего с моделью коммунистического общества в изложении К. Маркса. Во многих своих чертах она репродуцировала традиционные для России цивилизационно-ценностные накопления. С этой точки зрения осуждение реального, исторически воплощенного коммунизма, было адресовано не столько против марксова учения (на теории К. Маркса по сей день выстраивается идеологическая платформа европейской социал-демократии), сколько против России.

История, как неоднократно указывалось мыслителями в разные времена, представляет связь с настоящим и дает определенную проекцию в будущее. Через историю легитимизируется настоящее: либо оно признается легитимным, либо, при другой интерпретации истории, нелегитимным. Если оно признается нелегитимным, возникает вопрос о ревизии настоящего. Нелегитимным оно может оказаться в случае доказательства факта исторического преступления, узурпации, неправды. О чем идет речь? Если Советский Союз и весь советский проект был нелегитимным, значит, Россия в той геополитической роли, с теми частично сохраненными с советских времен позициями должна от этих позиций отступить. Вопрос, по сути дела, в свете современных геополитических вызовов об этом. Идет ревизия мироустройства сложившегося по итогам Второй мировой войны. Соответственно с этой ревизией и история двадцатого века должна быть переписана.

В этом ракурсе следует оценивать развернувшиеся в 2000-е годы с новой силой кампании по организации публичного суда над коммунизмом. С предложением

провести осуждение от лица международного сообщества тоталитарных режимов выступил еще в 2003 году нидерландский депутат в ПАСЕ, ставший впоследствии ее председателем Рене ван дер Линден. В отличие от послевоенных решений, осуждавших фашизм, предлагалось осудить тоталитаризм. Цель изменения формулировки, очевидно, состояла только в одном – включение в число осуждаемых наряду с фашизмом еще и коммунизма. В 2005 году представитель от Швеции представил в политкомиссию ПАСЕ доклад «Необходимость осуждения международным сообществом преступлений коммунизма». Автором проводилась мысль о восстановлении исторической справедливости через проведение нового «Нюрнбергского процесса. В ходе жарких дебатов название доклада было смягчено - «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов». В 2006 г. предлагаемая докладом резолюция была принята решением ПАСЕ. Компромисс с первоначально протестовавшими российскими представителями был, как считается, достигнут принятием дополнительных резолюций по режиму Франко и о недопустимости возрождения нацизма. Никакой значимой уступки со стороны Европы здесь, естественно, не было. То что в круг осуждаемых включался еще и испанский фашизм, не отменяло самого определения преступным советского режима. Подчеркивалось, что преступления, совершенные СССР, превосходили преступления других коммунистических государств. Разграничение отдельных периодов советской при этом не проводилось. Получалось, что режим, установленный в СССР, был преступен по своей сути.

Очевидной демонстрацией недружелюбия в отношении России явилось принятие в 2009 году Резолюции парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке». В ней сталинский режим в СССР приравнивался к нацистскому в Германии. Но нацизм, как известно, был осужден как человеконенавистническая доктрина и запрещен консолидированным решением мирового сообщества. Из приравнивая к нацизму сталинизма следовало, что и сталинизм должен быть осужден соответствующим образом. Развитие этой логики означало бы далее постановку вопроса о легитимности, с точки зрения международного права, действенных по

сей день установлений, связываемых со сталинской политики. К таким установлениям может, например, быть отнесен статус России как постоянного члена Совета Безопасности ООН, или принадлежность РФ Калининградской области (Восточной Пруссии). Резолюция предлагала установить 23 августа, дату подписания пакта Молотова – Риббентропа, в качестве дня памяти жертв нацизма и сталинизма. По сути, на СССР возлагалась равная с национал-социалистской Германией ответственность за развязывание Второй мировой войны. Жертвами сталинских репрессий были, как известно, в основном советские граждане. Однако установление дня памяти жертв сталинизма 23 августа переводило претензии из разряда внутренних, к разряду международных. В Резолюции говорилось о двух тоталитарных режимах, сложившихся в Европе в двадцатом столетии – сталинском и нацистском. Сталинизму, равно как и нацизму, предъявлялись претензии в геноциде, нарушении прав и свобод человека, военных преступлениях, преступлениях против человечества. Парадоксальным образом, советский народ – носитель ореола народа - освободителя, был обвинен в распространении тоталитаризма, осуществлении политики геноцида.

Регулярно различного рода обвинительные декларации в отношении исторического, главным образом – советского, прошлого России принимаются различными группировками общественности европейских стран. Особая иницирующая роль принадлежит в данном случае политическим и общественным деятелям, представляющим страны Восточной Европы. Одним из таких документов стала, например, принятая в 2008 году Пражская декларация о европейской совести и коммунизме. Под ней подписались известные политики, бывшие политические заключенные и историки. Документ формулировал призыв к осуждению коммунистических преступлений. Само наименование декларации задавало императив осуждения коммунизма как проявления совести со стороны европейских народов. Соответственно, в наличие совести сторонникам коммунистической идеи априори отказывалось.

Прошло два года, и в 2010 г в Праге был принят новый документ сходного содержания Декларация о преступлениях коммунизма. Декларация была принята в ходе представительной международной конференции, проводимой под патронажем Чешской республики. В круг подписантов входили как представители общественности, так и официальные лица европейских государств. Настойчивость в критических обращениях с осуждением советского прошлого политиков восточноевропейских государств объяснима. Для них критика коммунизма и СССР является своеобразным пропуском в политический истеблишмент Европы.

В традиционном арсенале использования истории в качестве инструмента борьбы идеологий – установление исторических памятных дат и исторических мемориалов. Этот инструмент активно используется в настоящее время против России. Так, в 2007 году в Вашингтоне в присутствии президента США был открыт Памятник жертвам коммунизма. Замысел создания мемориала объяснялся задачей «увечить память более ста миллионов жертв коммунизма, славу тех, кто успешно противостоял коммунистической тирании, рассказать нынешним и будущим поколениям о преступлениях коммунизма против человечества, и отблагодарить тех, кто помог выиграть Холодную войну». Каков расчет лежал в утверждении о более чем ста миллионов жертв коммунизма, как и то, что следует понимать под жертвой идеологии, не пояснялось. Дж. Буш во время открытия памятника произнес речь в духе риторики «холодной войны»: «Общее число жертв во имя коммунистической идеи ошеломляет. Оно столь велико, что точный подсчёт невозможен. По некоторым оценкам, коммунизм унёс жизни десятков миллионов людей в Китае и Советском Союзе, миллионов людей в Северной Корее, Камбодже, Африке, Афганистане, Вьетнаме, Восточной Европе и других частях земного шара. За этими цифрами стоят судьбы людей, со своими семьями и мечтами, чьи жизни были прерваны теми, кто стремился к тоталитарной власти. Некоторые из них хорошо известны. Среди них шведский дипломат Рауль Валленберг, который спас от нацистов сто тысяч евреев, но был арестован по приказу Сталина и брошен в Москве в тюрьму на Лубянке, где бесследно исчез. Среди них польский священник Ежи Попелушко, который скрывал в своей церкви активистов «Солидарности» и был похищен, избит и

утоплен тайной полицией. Смерти этих людей часто вспоминают — и за ними стоят ещё миллионы неизвестных, убитых жестокой рукой коммунизма. Среди них невинные украинцы, уморенные голодом во время сталинского великого голода, русские, убитые во время сталинских репрессий, литовцы, латыши и эстонцы, погруженные на повозки для скота и депортированные в арктические лагеря смерти советского коммунизма. Среди них китайцы, убитые в годы Большого скачка и Культурной революции, камбоджийцы, погибшие от репрессий режима Пол Пота, граждане Восточной Германии, застреленные при попытке перебраться через Берлинскую стену в стремлении к свободе, поляки, расстрелянные в Катынском лесу, эфиопы, перерезанные во время красного террора, индейцы мискито, убитые сандинистской диктатурой Никарагуа, и беженцы с Кубы, утонувшие, пытаясь бежать от тирании. Мы никогда не узнаем имён всех, кто погиб, но в этом священном месте неизвестные жертвы коммунизма будут освящены для истории, и их всегда будут помнить»

Участие президента в такого рода мероприятиях, тем более, произнесенная эмоционально насыщенная речь – это индикатор наличия соответствующей государственной политики. Государственная историческая политика США, по меньшей мере, существует. По отношению к российской истории в ней взят курс на создание мифа об имманентной империалистичности и автократичности России.

Должна ли Россия давать адекватный ответ на информационные атаки на ее прошлое? Очевидно, должна. Тем более, что непосредственное участие в дезавуирование российской истории принимают первые официальные лица западных государств, включая президента США. Ответом на памятник жертвам коммунизма могло бы стать, например, установление мемориала, посвященного жертвам колониализма в мире. В этой же связи возможно сформулировать вопрос о проведении соответствующих дней памяти.

Многие созданные на Западе исследовательские исторические центры не просто выражают в своем названии дисциплинарную нишу, но и определенный исторический концепт. Особо широкое распространение такого рода центры получили в

странах Восточной Европы. Как правило, они акцентированы на задачах «расследования преступлений коммунистического прошлого». В Польше был учрежден «Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа», в Чехии – «Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма» и «Институт по изучению тоталитарных режимов», в Румынии – «Институт по расследованию коммунистических преступлений». Перед созданным по инициативе В.А. Ющенко Украинским институтом национальной памяти была поставлена задача «развертывания мероприятий, направленных на консолидацию и рост государствообразующего патриотизма народа Украины». Первый руководитель Института И.Р. Юхновский объяснял целевые ориентиры деятельности возглавляемой им организации следующим образом: «Необходимо, чтобы в современном украинском обществе были искоренены рудименты советско-русской и польской пропаганды, уничтожены существующие негативные стереотипы относительно личности Бандеры и возглавляемого им движения. Это возможно осуществить только умелой просветительской и контрпропагандистской акцией, которая не может быть ограничена во времени, а должна быть перманентной, до полного изменения общественного сознания». В Российской Федерации институтов определенной идейной направленности по изучению истории в статусе государственных учреждений, как известно, не существует.

Новым идеологическим брендом постсоветских государств Восточной Европы являются музеи оккупации. Они существуют в настоящее время почти в каждой из восточноевропейских стран и включены, как правило, в перечень главных культурно-исторических достопримечательностей. Музеи оккупации учреждались в следующей хронологической последовательности: 1992 г. в Вильнюсе, 1993 г. - в Риге, 2001 г. – в Праге, 2002 г. – в Будапеште, 2003 г. – в Талине, 2006 г. – в Тбилиси, 2007 г. – в Киеве, 2010 г. – в Кишиневе.¹⁰

Борьба против советского и шире – российского прошлого получила в ряде стран даже законодательное оформление. По сей день не отменено действие принятого

¹⁰ http://www.memoid.ru/node/Muzei_kommunizma_i_sovetskoj_okkupacii_v_stranah_mira

в 1959 г. «Закона о порабощенных нациях» Согласно ему, в порабощенном состоянии пребывают находящиеся в составе России территории Идель-Урала и Казакии. Само определение указанных этнообразований – историографический абсурд. Ни Идель-Урала, ни Казакии никогда исторически не существовало. Не существовало и соответствующих этносов. И уральцы, и казаки, как известно, это этнические русские. Но миф легитимизирован. Ежегодно с большим пафосом в США проводится неделя порабощенных наций, антироссийская тема в которой прослеживается достаточно очевидно.

Ряд принятых законов в странах Восточной Европы объединяются понятием «законы декоммунизации». Так, в 1991 году в Чехии был принят «Закон о незаконности коммунистического режима». «Закон о коммунистических преступлениях действует в Польше. Болгария даже принимала закон о декоммунизации науки и образования. Он запрещал занимать руководящие посты в научных учреждениях и вузах бывшим преподавателям коммунистической идеологии и активистам Компартии. В Венгрии в 2010 году национальный парламент приравнял преступления советского режима к холокосту. За их отрицание предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Законодательно запрещено использование советской символики в Латвии, Венгрии, Чехии, Эстонии, Литве, Польше, Грузии, Молдавии. В последней запрет отменен, как противоречащий Конституции. На Украине запреты на использование коммунистических символов имели региональный характер.

Чем могла бы ответить Россия в законодательном плане? Наиболее очевидный ответ, это установление норм, вводящих ответственность за проявления россиефобии, включая россиефобские оценки, экстраполируемые в прошлое. Действующего законодательства в данном случае не достаточно. Речь не о русофобии, как проявлению ненависти к русскому народу, а именно о россиефобии. Если механизмы законодательного пресечения разжигания ненависти на национальной и расовой почве существуют, то на почве вражды к стране, ее традициям, цивилизационно-ценностным накоплениям и жизненным укладам до настоящего времени отсутст-

вуют. В рамках закона «О противодействии экстремистской деятельности» соответствующие вызовы, связанные с дезавуированием российской истории, решены, естественно, быть не могут.

Лидер советской исторической школы 1920-х – первой половины 1930-х гг. М.Н. Покровский писал в свое время об истории, как о политике, опрокинутой в прошлое. Этот тезис был подвергнут в дальнейшем жесткой критике. Действительно, прямой экстраполяции современной политической борьбы на содержание излагаемого исторического материала нет. Если бы такая экстраполяция имела место, то налицо была та самая фальсификация истории, с которой вменялось вести борьбу соответствующей комиссии. Но бесспорно и то, что определенные преломления политических позиций в выборе исторических объяснительных моделей существуют. Можно говорить, с другой стороны, и об обратном эффекте: наличие компоненты взгляда на прошлое в выстраивание политической платформы.

Ввиду такой взаимосвязи, победить противников в современной политике означает не в последнюю очередь осудить связываемое с ним течение в истории. Это достигается через осуждение исторических предшественников (предтеч). Такой прием обвинений через дезавуирование исторических предтеч был использован, в частности, в борьбе против КПРФ. Отсюда высокую популярность вызывают публичные мероприятия, проводимые в формате судов истории. В разных странах мира проводятся такого рода телевизионные шоу. Однако имеются прецеденты проведения на основе материалов истории реальных судебных процессов.

Согласно международному праву, не имеют срока исторической давности преступления, совершенные против человечества. Ключевым понятием в раскрытии сущности таких преступлений является «геноцид». Оно было введено в широкий оборот благодаря многолетним усилиям польского юриста Рафаэля Лемкина. Основопологающим примером геноцида им рассматривалось массовое истребление армян в Османской империи в 1915 году. Наиболее разработанной и практически примененной в юридическом отношении стала в тематике геноцида сюжетная линия «холокоста». Генеральная ассамблея ООН специальными резолюциями 2005 и

2007 годов установила осуждение отрицания «холокоста» (включая частичное отрицание) в качестве исторического факта. В ряде стран мира (преимущественно западных) публичное отрицание «холокоста» определяется как противоправное действие.

Учитывая однозначность неприятия геноцида на уровне мирового сообщества, определенные политические силы активно спекулируют сегодня на этом понятии. Под маркер геноцида пытаются подвести различные исторические прецеденты насилия. А поскольку насилие было исторически всегда, то простор для соответствующих инсинуаций в истории открывается весьма широкий. Резонансный характер имели вынесенные на судебный уровень обвинения в геноциде президента Югославии Слободана Милошевича и генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя (он был обвинен судами нескольких государств в геноциде против религиозного течения фалуньгун).

Обвинения в геноциде адресуются и в адрес России. Предпринимаются попытки обоснования геноцида едва ли не каждого народа бывшего СССР. Репрессии, действительно, обрушивались на представителей различных этнических групп Российской империи и СССР. Но было ли это геноцидом? Под геноцидом принятая в 1948 г. ООН Конвенция трактует действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Такие задачи ни в Российской империи, ни в СССР никогда не ставились. Под репрессии попадали люди всех национальностей, включая русских. Наибольший политический резонанс вызвала кампания по представлению голода 1932-1933 г. на Украине («голодомора») в качестве политики геноцида, направленной против украинцев. Еще в 1985 г. администрацией Р. Рейгана была санкционирована деятельность Комиссии США по голоду на Украине. Через три года работы Комиссия доложила Конгрессу о полученных результатах. Одним из предъявленных положений состояло в том, что «Иосиф Сталин и его окружение совершили геноцид в отношении этнических украинцев». Фальсификация была

столь очевидна, что ее признали даже сами американские историки. Руководитель Комиссии Джеймс Мейс подвергся в научных кругах США негласному бойкоту.

Но политическая кампания набирала обороты. «Голодомор» был официально определен как акт геноцида целой группой государств мира (в хронологическом порядке): США, Эстонией, Австралией, Украиной, Канадой, Венгрией, Италией, Ватиканом, Литвой, Грузией, Польшей, Перу, Бразилией, Парагваем, Эквадором, Колумбией, Мексикой, Латвией, Европейским Союзом. Кроме того еще в ряде стран Запада соответствующие определения давались на региональном уровне. Фигурантами проходившего в 2009-2010 гг. на Украине судебного процесса выступали Сталин (Джугашвили), Молотов (Скрябин), Каганович, Постышев, Косиор, Чубарь и Хатаевич. Суд признал, что предпринятые ими действия имели характер геноцида. Показательно, что судебный процесс на состоялся уже после того как вывод о геноциде уже был официально сформулирован и на Украине, и в других государствах. Но вот, власть на Украине поменялась, и новый президент В.Ф. Янукович заявил, что массовый голод 1932-1933 гг. геноцидом украинцев не являлся.

Конечно, со стороны властей на эмоциональном уровне возникает желание дать ответ на происходящее очернительство советского прошлого. Но эмоции не подкреплены пока системной позицией. Отсутствует собственная россицентричная концепция исторического процесса. По сути дела, нужна новая историософия. Ее нет, и задачи ее выдвижения академической наукой не ставятся. Историософские темы отсутствуют в утвержденных НИР ИРИ РАН и ИВИ РАН. Историософии нет среди номинированных ВАК в рамках исторических специальностей областей исследования. Она вообще выведена за скобки науки.

Кризис преподавания истории

Знаменитую бисмарковскую фразу о том, что победу в войне одержали учителя истории можно сформулировать и иначе. Поражение в войнах тоже терпят учителя истории. Признавая сегодня, что распад СССР являлся следствием поражения в «холодной войне», с очевидностью обнаруживается роль ревизии исторического памяти в произошедшей катастрофе.¹¹ Теория глобальных сетевых войн дает основания считать, что и сегодня многие проблемы развития России факторно связаны с кризисным состоянием преподавания истории.¹² В чем состоит кризис?

Ценностный кризис

Во-первых, речь идет о ценностном кризисе. Воспитательная функция истории не может быть реализована должным образом по элементарной причине отсутствия перечня закреплённых на государственном уровне общенациональных ценностей России. А формулировка ценностей упирается, в свою очередь, в вопрос об идеологии. Принятый в начале 1990-х гг. концепт деидеологизации не мог не привести к ценностному выхолащиванию в преподавании истории и в учебной исторической литературе. Сравнительный анализ мирового опыта в сфере школьного образования позволяет утверждать, что абсолютно неидеологичных учебников для школы не может существовать. Идеология в данном случае не означает непременно политической ангажированности (примеров учебников такого рода в мировой образовательной практике тоже предостаточно), Она подразумевает наличие мировоззренческо-ценностной матрицы, на которой выстраивается в процессе преподавания исторический материал.

В данном случае в качестве примера целесообразно сослаться на концепцию развития системы национального образования в Японии. Задачи исторического образования определяются в ней установкой «ковать патриотизм, объединять в одно целое народ и императора с его политикой, чтобы учащиеся знали какие этапы

¹¹ Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 137-145.

¹² Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009. С. 9-22; Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., 2007. С. 32-347.

развития прошла страна, чтобы они понимали, какое это преимущество быть японцем».¹³

Идеология в учебной литературе может иметь как явно сформулированное, так и латентное проявление. Анализ многих из внедренных в учебный процесс учебников истории обнаруживает если не либеральную идеологическую парадигму, то наличие компонентов идеологии либерализма. Зачастую воспроизводится идейная канва западной исторической литературы, тяготеющей к освещению истории России в тональности стереотипов геополитического противостояния. Соотношение негативных (вызывающих отрицательную эмоциональную реакцию) и позитивных компонент в школьном историческом материале разных лет обучения, как показывают результаты контент-анализа, составляют пропорцию 3:1. Для периода XX века это соотношение и вовсе достигает показателя 5:1.

Есть, безусловно, и в современных российских учебниках патриотические апелляции. Классифицировать их все единым маркером либерализм было бы не корректно. Точнее говорить о доминирующем идейном эклектизме школьных учебников истории, отсутствии в них цельной мировоззренческо-ценностной позиции. Стоит ли удивляться при такой ситуации ценностной неопределенности российской молодежи?

Посмотрим теперь характер ценностного содержания учебной исторической литературы за рубежом. Достаточно обратиться к учебникам истории в США. Реализуемая в них модель – это героическая версия развития американской нации. Факты, которые могли бы бросить тень на историю США, в ней тривиально отсутствуют. В американских учебниках нельзя прочитать,

что отцы-основатели США почти все были рабовладельцами;

что Авраам Линкольн, несмотря на позиционирование в качестве борца с рабовладельческим строем, заявлял о расовом превосходстве белого человека над черным;

¹³ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 242.

что Франклин Рузвельт в значительной степени спровоцировали Перл Харбор;
что американские банкиры финансировали национал-социалистов;
что проживающие на тихоокеанском побережье Америки японцы подверглись во время Второй мировой войны массовой депортации.

Бывают, конечно, экспериментальные учебники. Но это прецедентные случаи, не представляющие общей трафаретной схемы изложения американской истории.

Идеологичными были всегда и учебники по истории России. Другое дело - какая это идеология? Что она собой представляет сегодня, можно получить представление по приводимому перечню названий разделов в ряде современных российских учебников истории:

«Поиски обретения свободы»,
«Крестьянство «на Голгофе»»,
«Коллективизация – «Второе крепостное право»»,
«Партия – ядро тоталитарной системы»,
«Промышленная модернизация в тоталитарном исполнении»,
«Культурная революция и всеобщее одичание. Борьба с исторической памятью и совестью»,
«Советско-германский сговор»,
«Советско-нацистская война 1941-1945 гг. и Россия»,
«Советская тюрьма народов»,
«Партийный диктат и культура»,
«Сломленный, обеспамятованный и порабощенный в СССР народ России»,
«Оккупационная политика России в Австрии и Турции»,
«Мировая революция и восстание на Бога»,
«Мировая революция и мировая война»,
«Крах плановой экономики»,
«Освобождение России от коммунизма» и т.п.

Идеологическая компонента здесь обнаруживается со всей очевидностью. Но в чем принципиальное отличие идеологических ориентиров современных российских учебников истории от американских, или от японских? Как правило, учебная историческая литература направлена на сакрализацию прошлого, на ее героизацию, акцентировку на светлых страницах, великих свершениях. То, что преподносится во многих российских учебниках – это, напротив, демонизация истории, по существу - дезавуирование собственного национального прошлого.

Любой претендующий на самопроизводство во времени социум должен иметь не только представление о едином прошлом, но и сакральную историческую матрицу – «священную историю». «Священная история» отличается от истории в позитивистском изложении. Принципиально важно избежать их смешения. На уровне школьного образования существует потребность именно в «священной истории», посредством которой транслируются базовые ценности соответствующего сообщества, проводится мысль об их устойчивом репродуцировании в историческом времени. История как позитивистская дисциплина, со всей неоднозначностью интерпретации исторических фактов, историографическим дискурсом, нужна при подготовке профессиональных историков. Применительно к школе преподавание истории в такой версии может иметь негативные последствия в плане размывания базовых оснований восприятия учащимися исторического процесса, релятивизации ценностей. На стадии социализации юноши, когда его ценностные позиции только формируются, говорить ему о том, что все исторические факты интерпретируемы, все великие свершения оспариваемы, а все герои мифологичны, означает целенаправленный подрыв воспитательных функций образования.

Могут возразить, что сакрализация истории может привести к насаждению исторических мифов, искажению правды о прошлом. Угроза такая действительно существует. Яркую иллюстрацию тому представляют школьные учебники ряда республик «ближнего зарубежья», содержание которых подверстывается под обоснование древних истоков национального суверенитета соответствующих государств.¹⁴ Но

¹⁴ Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов А.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник истории и государственная политика. М., 2009. С. 227-309.

есть мифы и мифы. Сама категория мифа имеет сегодня двойственную смысловую нагрузку. С одной стороны, под мифом понимается вымысел, заведомая неправда. Применительно к истории это тождественно фальсификации.

Но существует и другое значение мифа, как особого способа трансляции социального опыта. Типичные черты этой трансляции – акцентировка на героическом, при нивелировке дегероизирующих обстоятельств; использование языка исторических символов, ценностная фабула подачи материала, сюжетная аккумулятивность и спрессованность событийной канвы изложения. На мифах такого рода выстраивается коллективная историческая память любого социума. Эйзенштейновский фильм «Александр Невский» яркий пример мифологической обработки исторического материала. Судить его с точки зрения достоверности фактов не имеет смысла, поскольку это был именно миф. Но вот воспитательная функция им реализовывалась в полной мере. Детали в памяти зрителя могли закрепиться как коннотат, при фиксации на главном – великая победа русского оружия над немецкими захватчиками. А в этом главном противоречия в отношении к историческим фактам не было.¹⁵

Миф предоставлял возможность на уровне эмоционально-психологического восприятия акцентировать внимание на сущностном, пренебрегая второстепенным, что не позволяет позитивистская версия подачи истории. В рамках научного анализа выход на сущностные основания исследуемого явления осуществляется посредством построения модели. Навыки моделирования могут и должны формироваться еще в период школьного обучения. Но широкое распространение их в школе объективно сдерживается известными возрастными ограничениями. И здесь на помощь приходит миф, отражающий сущность явления на доступном школьнику языке художественных образов.

Один из главных факторов современной ценностной эрозии – дефицит (точнее – фактическое отсутствие) положительных примеров – образов для подражания мо-

¹⁵ Закиров О.А. Исторические фильмы СССР 1936-1946 гг. Диссертация на соискание уч. степени канд. истор. наук. М., 2011; Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930-1940-х годов // Отечественная история. 2003. №6. С.31-46.

лодежи. Каждая культура формирует свой собственный героический пантеон. По фигурам национальных героев достигается общественный консенсус. Эти герои берутся, прежде всего, из национального исторического прошлого, а также создаются в рамках различных направлений художественного творчества. Особые функции в этой связи возлагаются соответственно на преподавание истории и литературы в школах. Если герои не пропагандируются государством целевым образом, то и тогда в сознание молодежи (ролевая самоидентификация) вырабатываются собственные образцы для подражания. Но в этом случае герои часто имеют асоциальную семантику. Советское образование и пропаганда успешно продуцировали героические образы. А кто сегодня является героем в восприятии российской молодежи?

Социологические опросы показывают, что перечень групп для подражания представлен в следующей последовательности: поп- и рок-звезды, представители «золотой» молодежи (52 %); успешные бизнесмены, олигархи (42 %); спортсмены (37 %); герои кино, телесериалов (28 %). Герои прошлого не составляют сколько бы то значимой группы, будучи растворены под маркерами «революционеры» и «кто-то другой», не превышающие совокупно уровня 2 % популярности. (Рис. 1).¹⁶

Из исторических фигур двадцатого века самым популярным для россиян, с большим отрывом от других, является Юрий Гагарин. Это могло бы восприниматься как обнадеживающая информация – «не все потеряно». Если бы не одно обстоятельство – колоссальный отрыв первого советского космонавта от всех других исторических персоналий (по принципу – Гагарин и все остальные). Такой разрыв, нехарактерный для других возрастных групп, говорит скорее о незнании истории, чем о сознательном ценностном выборе и популярности темы космоса.¹⁷

¹⁶ <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=857>

¹⁷ [wciom.ru/fileadmin/Monitoring/95.../2010_1\(95\)_5_Monitoring.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/95.../2010_1(95)_5_Monitoring.pdf);

<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13080>; <http://wciom.ru/novosti/press-vypusk...gle/13080.html>

Рис. 1. Результаты опроса ВЦИОМ о кумирах современной российской молодежи (респонденты в возрасте 18-24 лет), в % (возможно несколько вариантов ответа)

Когнитивный кризис

Вторая сторона кризиса преподавания истории в школе имеет когнитивный характер. История, как известно, позволяет развивать такие стороны мышления, которые не так акцентировано выражены в преподавании других дисциплин. Прежде всего, это мышление в процессной развертке. Через историю, что понималось еще в античные времена, прошлое связывается с настоящим, а далее проецируется на будущее. Соответственно, принципиально важно формирование умения выявлять причинно-следственные связи, мыслить в логике каузального анализа.

Но сегодня этот потенциал истории предельно выхолощен. История в современных учебниках перестала преподаваться как логически структурированный процесс, а предстает в виде информации. Но чтобы история преподавалась как процесс, нужна, как минимум, концепция этого процесса. В советский период такая концепция в виде формационного подхода существовала. Процессное понимание могло быть

выражено схематически. Советский опыт формационного осмысления истории справедливо критиковался с позиции науки. Но отказываясь от него, как проявления идеологии, другой концепции предложено не было. Возникла боязнь любых концептуальных обобщений. А без концептуального обобщения ни чего иного чем бессвязного потока информации история не может представлять.

Сложившаяся ситуация может быть охарактеризована словами Сенеки: «Не знаю нужное, потому что изучал много ненужного». Действительно, при акцентировке познавательных задач на получении знаний исторических фактов, фундаментальные основания истории оказываются выведены за рамки изучения.

Познавательная функция истории непосредственно связана с состоянием государственного управления. Государственное управление выстраивается в значительной степени через «уроки истории». Если уроки не извлекаются, или извлекаются ошибочные выводы, то государство развивается по сценарию неуспешности. Именно таким игнорированием собственного исторического опыта явились реформы второй половины 1980-х – 1990-х гг.

Без знания прошлого невозможно определить будущее. Чтобы видеть будущее надо иметь представление обо всем пути движения. Соответственно, необходимо не только знание настоящего, но еще и прошлого. Отсюда знаменитая сентенция У. Черчилля «Чтобы подальше заглянуть в будущее, мы должны глубже заглянуть в прошлое».

Утрата когнитивных функций истории объясняется не только барьерами между властью и наукой, но и состоянием современной российской историографии, а шире – гуманитарных отраслей знания в постсоветской России. Сложился дефицит процессного осмысления истории. В историографии доминируют тенденции: описательности, мелкотемья, узкой специализации, при отсутствии целостного понимания истории, преклонения перед фактом, при боязни теоретических обобщений. В результате от функции предоставления уроков истории историческая наука фактически самоустранилась. Проблема выявления оснований построения российской

государственности, которая должна, казалось бы, быть основной для историографии отечественной истории, в качестве приоритетной темы исследований не выносятся.

Сужение когнитивной функции исторической науки до феноменологической описательности соотносится с соответствующим процессом на уровне образования. У учащихся современных школ отсутствует целостное видение российского исторического процесса. Обучение истории фрагментаризировано по периодам. Тенденция фрагментаризации еще более усиливается в условиях акцентировки тестовой модели контроля знаний учащихся. Тематика определения оснований российской государственности отсутствует как таковая в качестве дидактической единицы школьного и вузовского обучения истории.

Во многом провозглашение гегемонии исторического факта явилось прямым следствием схоластической передозировки советской историографии. Навязываемые на уровне образовательного процесса догмы и схемы трактовки истории стали все в большей степени вызывать эффект отторжения. Как и в системе государственного управления в целом, в организации обучения истории в школах возникла необходимость перехода от директивных управленческих механизмов к более сложным, опосредованно-мотивационным. Учащийся при такой модели учебного процесса не зазубривал бы механически готовые истины, а постигал их же самостоятельно, пребывая в иллюзии собственного открытия. Это не только не означало снижения уровня педагогической управляемости, а, напротив его усложнение. Вопреки данным запросам был избран путь фактологизации, а по сути – деконцептуализации исторического материала.

Методологической парадигмой фактологического видения истории явился «псевдопозитивизм». На практике весь пафос позитивистской философии сводился к тривиальной описательности и мелкотемью. Применительно к дискурсу о содержании школьного учебника истории высказывались соображения об изложении его в формате хронологии исторических фактов. Характерно, что именно такой подход, судя по комментариям российских государственных деятелей, получил первона-

чально поддержку на правительственном уровне. Последовательная реализация его превращала бы историю в некий бессвязный информационный поток. Ведь даже обозначение причинно-следственных связей, на выявлении которых традиционно выстраивается процессное понимание исторического знания, содержит в себе приоритет той или иной теории, а потому императиву «чистой фактологичности» не отвечает.

Процессное понимание истории может выражаться различными моделями. Они в значительной степени определяются различием подходов к историческому времени. Для традиционных ориенталистских обществ доминировал, как известно, взгляд на историю как круговорот, «вечное возвращение». Будущее в этом смысле являлось перманентным воспроизведением прошлого. Отчасти этот взгляд нашел преломление и в рамках цивилизационного подхода, для которого главное в истории – самовоспроизведение фундаментальных констант существования цивилизаций. В логике линейного восприятия времени формировались концепции исторического прогресса и исторического регресса. Будущее в рамках них представлялась как линейная экстраполяция траектории прошлого. Более сложный вариант процессного моделирования был представлен в рамках концепции исторического циклизма.

Какая из этих различных по своей сути моделей взята за основу изложения исторического процесса в школе? Приходится констатировать, что определенным образом – никакая. В основу преподавания положен фактографический, а не процессный подход. Но при таком подходе проецирование будущего невозможно. История оказывается бессвязным потоком фрагментов прошлого. Более того, ввиду интерпретируемости любого исторического факта сознание учащегося оказывается объективно ввергаемо в состояние фрустрации.

Притчей во языцех является деструктивный характер переориентации школы на тестовый контроль получаемых учащимися знаний по дисциплинам гуманитарного профиля. Менее всего приспособлены тесты контролировать именно процессное понимание учеником хода истории. Конечно, можно возразить, что это претензия к

существующему уровню тестов, но ни к самой тестовой системе. Вопросы тестов могут быть действительно составлены таким образом, чтобы они проверяли степень понимания и осмысления исторического процесса, а не механическое зазубривание некой информации. Но как можно проверять теоретическую подготовку, если нет самой принятой за основу теории? Возникает замкнутый круг.

Именно в школьный период происходит формирование у человека сначала словесно-логического, а затем и абстрактно-логического уровней мышления. Школьные дисциплины должны соответственно отражать это развитие. Применительно к преподаванию истории такое усложнение должно выражаться постепенным переходом к старшим классам от оперирования образами к оперированию преимущественно графиками и схемами. Акцент исторической учебной литературы на факт, а не на процесс находится в явном диссонансе с задачей такого перехода. Такое же положение сохраняется при обучении истории в вузах. Как следствие неумение гуманитариев осуществлять факторный анализ, владеть приемами моделирования, применять системы количественной оцифровки.

Форма подачи исторической информации в современных учебниках истории лишь минимально ориентирована на соответствующие виды памяти. Иллюстрации, цитаты, документы, иной сопроводительный материал даются как самодостаточная информация, продолжение текстового контента. Но почему при таком подходе оправдано замещение прямого изложения исторического факта его коннотациями? Вспомогательные формы подачи исторического материала имеют смысл в том случае, если они эксплуатируют какие-то особые механизмы рефлексии. Посредством этих форм должны быть созданы ассоциативные связи, выводящие на закрепление через них в памяти учащихся сущностных характеристик изучаемого периода истории. Художественные образы, или цитаты важны в данном случае не сами по себе, а именно в качестве механизма реминисценции. (Рис.2).

Рис. 2. Соотнесение усложнения методического инструментария преподавания истории в школе с развитием мышления

История в системе образования: потребность в исторических учебниках нового типа

Очевидной сферой трансляции исторического знания является образование. Преподавание истории, как на уровне вузов, так и особенно школ, должно быть имплементировано в общую логику государственного управления и осуществляться в интересах государства и общества. Основным традиционным инструментом в образовании выступает учебник. Необходимо формирование нового поколения учебников, восстанавливающих, с одной стороны, процессное понимание истории, и, с другой, ее ценностное содержание. Не случайно при осуществлении трансформаций государств почти всегда одним из первых шагов осуществлялась ревизия исторической учебной литературы. В российских ценностно-мировоззренческих инверсиях это прослеживается достаточно определенно. Вначале формулировалось новое понимание истории, далее утверждалась новая мо-

дель жизни. Вначале выстраивался мост, идейно связующий прошлое с настоящим и будущим, потом осуществлялось движение в установленном направлении.¹⁸

Идеологически нейтральных школьных учебников истории не существует. Учебники истории выступали в прошлом в качестве одного из наиболее точных индикаторов смены и коррекции идеологических парадигм.¹⁹ Идеологией декларативно деидеологизированных учебников прежней генерации являлась теория неолиберализма. В последние годы все определеннее осознается потребность нового цивилизационноориентированного конструирования учебной исторической литературы.

Школьный учебник ни есть суммированное в рамках одной дисциплины знание. Его функциональное назначение принципиально отличается от литературы энциклопедического и справочного характера. Для создания качественного школьного учебника оптимизации содержательной канвы изложения недостаточно. Он, согласно с общими положениями педагогической науки, должен быть ориентирован на решение триединой образовательной задачи, включающей в себя компоненты обучения, воспитания и личностного развития. Именно этой функциональной нагруженности современной учебной исторической литературе и не достает.

Учебники истории пишут историки, но не педагоги. При этом зачастую понятие «история» подавляет понятие «учебник». Разрыв исторической и педагогической наук, как правило, так и не удается преодолеть. В результате все достижения педагогики оказываются, при формировании школьного учебника, не востребованы. Игнорированы, в частности, многочисленные разработки теории развивающего обучения. В результате на уровне моделирования образовательного процесса сложились три изолированных друг от друга ниши: 1. ниша педагогов – теоретиков (педагогические науки); 2. ниша создателей учебников (в данном случае – исторические нау-

¹⁸ Багдасарян В.Э., Абдуллаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов А.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009.

¹⁹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992; Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 1999; Старые и новые образы в современных учебниках истории. М., 2003; Шарифжанов И.И. История России на страницах школьных учебников США // Преподавание истории в школе. 2002, №2; Журавлев В.В. Экспериментальные учебники как мировоззренческие и воспитательные альтернативы официальным стандартам // Историки читают учебники истории. М., 2002.

ки); 3. ниша школьных учителей (практическая деятельность в школах). Учебники нового типа должны быть интегративными, соединяющими в рамках единых задач всех трех обозначенных сфер науки и практики.

Но, наконец, задача создания концептуального единого учебника истории была сформулирована на уровне высшей государственной власти. Сама ее постановка вызвала резкую критику в либеральной части общественности. Возникшая жесткая полемика имела во многом искусственный характер. Дискутанты зачастую мало понимают, о чем идет речь. Единый учебник истории в действительности де-факто уже существует. На 2013-2014 учебный год Министерство образования и науки РФ уже утвердило перечень допущенных к использованию в образовательном процессе учебников. Всего их 82, включая и отечественную, и всеобщую историю за 5 – 9 классы. Безусловно, это много. Но за видимым многообразием скрывается наличие лишь нескольких групп авторских коллективов. По сути, установлена олигополия на право подготовки учебников для школы. Речь идет как о контроле за соответствующим направлением бизнеса (издание учебников для школы – прибыльное дело), так и об изложении определенной, связанной со взглядами авторов, линии трактовки истории. Так, авторами, соавторами и редакторами рекомендованных на 2013-2014 год А.А. Данилов и Д.Д. Данилов выступают каждый по 9, А.Н. Сахаров – 7, А.О. Чубарьян – 5, А.Ф. Киселев – 4, Ю.Н. Лубченков – 4, Р.Ш. Ганелин – 4, В.А. Ведюшкин – 4, Л.А. Косулина - 4. Круг авторов повторяется при каждом новом переутверждении рекомендуемого Минобрнауки перечня учебников. В основе своей он остается неизменным с периода 1990-х годов. Рекомендуемые учебники издаются всего шестью издательствами. Авторские коллективы группируются вокруг соответствующих издательств.²⁰ Вопрос, таким образом, состоит не в замене плюрализма мнений моноконцепцией, а в изложении государственной позиции в освещении истории вместо представляемой от имени государства позиции группированных вокруг ряда крупных издательств авторских группировок.

²⁰ <http://xn--80abucjibhv9a.xn--p>

История в системе массового просвещения

Советский Союз, как известно, обладал широкой инфраструктурной системой массового просвещения. Значимая роль в ней отводилась историческому компоненту. Постсоветская деидеологизация привела фактически к разрушению этой системы. Однако сегодня возникает запрос на ее восстановление в соответствии с новыми реалиями развития России и мира. Современные управленческие технологии все в большей степени связываются с управлением информацией. В этой связи историческое просвещение, осуществляемое в интересах государства и общества, может внести значительный вклад в формирование благоприятного для поступательного развития России идейного, психологического и социального контекста.

Целесообразно обращение к опыту реабилитаций национального исторического прошлого, проводимых после соответствующих периодов дезавуирования отечественной истории. Успешность этого опыта подсказывает, в частности, рецептуру необходимых действий в этом направлении. Так, важным фактором восстановления цивилизационной идентичности признается начатое с конца 1930-х гг. производство и прокат исторических кинофильмов, прославляющих героев дореволюционного периода российской истории: «Петр Первый», «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Кутузов» и др.²¹ Аналогичные по содержанию работы создавались в художественной литературе и изобразительном искусстве. Соответственно, должна быть организована система целевых государственных заказов на такого рода продукцию и в современной России. Обращение к национальному историческому прошлому должно соотноситься с пропагандой внутреннего туризма и рекламой соответствующих объектов и маршрутов туристского показа. Новые информационные технологии предоставляют возможность развития форм участия широкой общественности в реализации поисковых исторических проектов. Общая проектная постановка могла бы быть представлена под маркером «Живая история». Требуется акцентированная поддержка государства в организации массовых

²¹ Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930 – 1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6.

праздников и мероприятий, связанных с историей и цивилизационными ценностями России.

Реализация воспитательных функций истории не должно ограничиваться школой. В противном случае может возникнуть эффект двух версий истории – позитивной – школьной и негативной – внешкольной информационной среды. Внешкольное историческое просвещение среди детей может выражаться в следующих форматах: создании на телевидение циклов исторических передач детей разного возраста; возрождение детской исторической литературы; развитие системы детской исторической периодики; журнала. распространение сети детских историко-поисковых организаций; создание и рекламное продвижение исторических игрушек, несущих патриотическую семантику.

Кадры для реализации государственной исторической политики

Еще большее значение, чем учебник истории, имеет сам учитель истории. Учебники есть инструмент в руках учителя, и то, как он распорядится таким инструментом, зависит в значительной степени от его собственной профессиональной подготовки и ценностной позиции. Не случайны в этой связи уже упоминаемые знаменитые слова О. Бисмарка о том, что победу в франко-прусской войне одержал немецкий учитель истории. Не историк, а именно учитель истории.

Обеспечивают ли школьные учителя истории в России такой потенциал учащейся молодежи, который позволял бы рассчитывать на поступательное развитие страны и ее высокое позиционирование в мире? На этот вопрос нельзя даже дать отрицательного ответа. Задачи такого рода перед российским школьным учителем попросту никто не формулировал.

Еще более тяжелое положение в исторической науке.

Спектр современной академически признанной исторической науки представлен тремя основными методологическими сегментами. Первый определяется различными модификациями либеральной теории истории. Для либерализма главной ценностью является человек, трактуемый как индивидуум. Любые групповые сборки, будь то церковь, либо община, являются в той или иной степени выраженным насилием в отношении индивидуума. Соответственно, логика истории видится в либеральной теории в освобождении человека от доминанции групповых идентичностей. Государство и человек в этом подходе противостоят друг другу. Чем сильнее государство, тем в более угнетенном положении находится индивидуум, и наоборот. Оценка исторических событий, в которых общий интерес сталкивается с частным интересом, дается с позиции приоритетности права индивидуума. Понятно, что никакая постановка вопроса об особой исторической миссии России, как и об общегосударственной российской идее с либеральным пониманием истории не соотносятся.

Второй сегмент в современной российской исторической науке может быть условно определен как старомарксистский. В основном он представлен высоковозрастной генерацией историков. Представители этого сегмента вытеснены на периферию и существенного влияния на историографическую ситуацию не оказывают. Исторический подход задается в данном случае достаточно давними марксистскими положениями без их соответствующей модернизации и без ответов на вызовы времени. Сыграв свою значимую роль, как объяснительная парадигма общественного развития периода перехода к индустриальному типу экономики, исторический материализм применительно к истории России имеет известные когнитивные ограничители. Как и либерализм, старомарксистский подход не может найти адекватного инструментария для рассмотрения проблем историософского назначения России, или выстраиваемых на религиозном фундаменте православного христианства ее цивилизационно-ценностных накоплений.

Третий сегмент – позитивистский. Его распространение в постсоветский период определяется боязнью идеологии, реакцией на доминанцию марксистской схола-

стической схемы. Отсюда – деконцептуализация, установка на описательность, фетишизм факта. На любой теории при этом подходе лежит маркер ненаучности. Сама постановка вопроса об осмыслении исторического опыта России в рамках современного «академического» позитивизма невозможна.

Таким образом, ни в одном из доминирующих сегментов российской исторической науки не может быть решена сегодня государственная задача формирования цивилизационноориентированной концептуальной модели истории России. Для ее решения требуется формирование принципиально новых кадров историков. Сделать это на базе существующих академических и вузовских структур практически невозможно. Сила инерции слишком велика. Следовательно, нужно создавать новые институты и вузы, ориентированные непосредственно на задачу разработки историософии России.

Но для того, чтобы в историческую науку пришли новые кадры и появились труды, качественно нового уровня, нужна целевая государственная поддержка. Эта поддержка должна распространяться, прежде всего, на ученых и исследовательских проектов, выходящих на концептуальное понимание исторического процесса и практических рекомендаций в формате «уроков истории». Ничего подобного пока нет. Указом президента 2011 года в Российской Федерации установлен следующий перечень приоритетных направлений науки:

1. Безопасность и противодействие терроризму.
2. Индустрия наносистем.
3. Информационно-телекоммуникационные системы.
4. Науки о жизни.
5. Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники.
6. Рациональное природопользование.
7. Транспортные и космические системы.
8. Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика

Как видно из приведенного перечня, в нем отсутствует не только история, но и любое другое гуманитарное направление. А соответственно, отсутствует и должное финансирование.

Раскол исторического сознания

Значимую проблему представляет раскол в восприятии истории между народом и научным сообществом историков. Сложились две антагонизменные модели национальной рефлексии прошлого – официально-учебная и народная. Народная версия выстраивается, по сути, на матрице исторических кинолент 1930-х-1940-х гг. Официально-учебная в значительной степени построена на ревизии этой матрицы, связываемой с наследием советской историографии. Произошедший раскол наглядно фиксируется по проведенному Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования контент-анализа группы учебников по истории России. Рассчитывалась разность положительных и отрицательных оценок в отношении значимых исторических персоналий и явлений. Далее такая же разность диагностировалась по данным социологических опросов. Получилось, что отношение народа и ученой элиты к истории не только различно, но диаметрально противоположно. И именно элита оторвалась в своих оценках и интерпретациях от традиций национального осмысления прошлого. (Рис. 3).²²

²² Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза. М., 2012. С. 173.

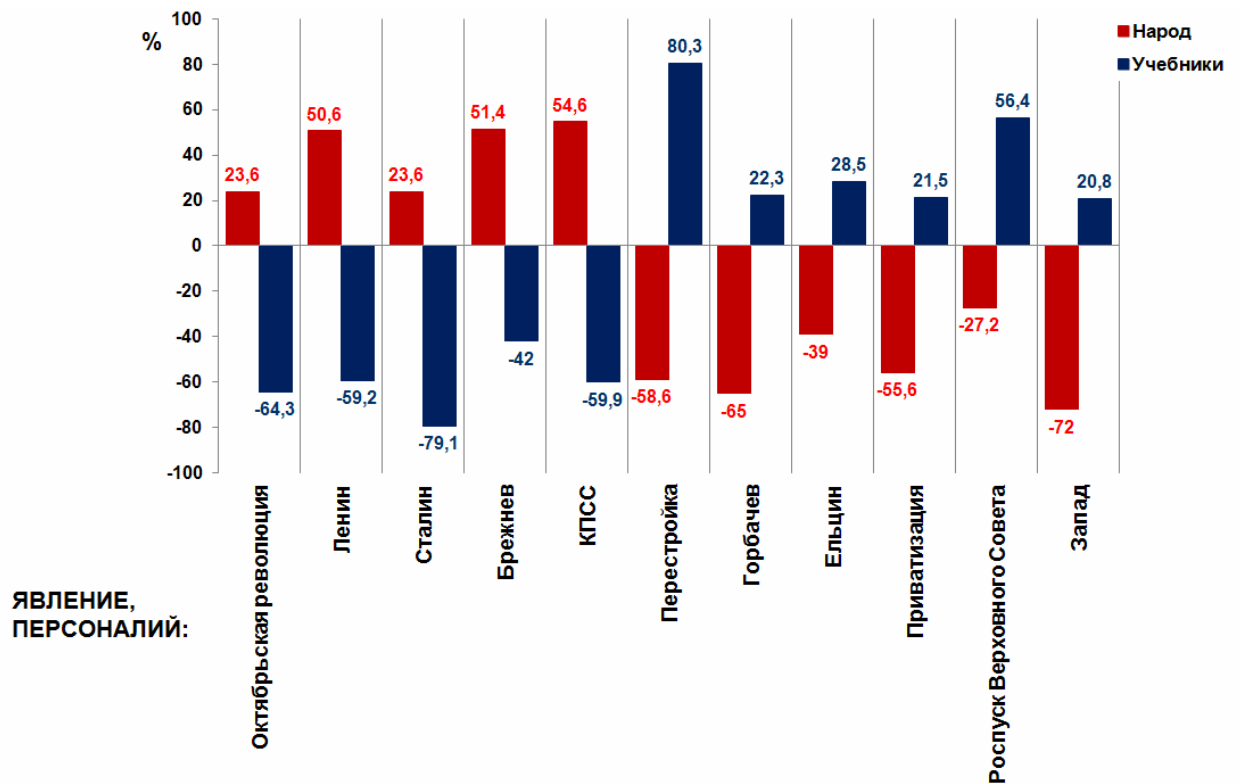

Рис.3. Отношение к истории в народном восприятии и версии учебной литературы, в % (разница положительных и отрицательных оценок)

Историческое сознание важный индикатор состояния общества. Мониторингирование его позволяет получить, в частности, косвенно ответы на вопросы о политических настроениях. Зачастую полученная таким образом информация оказывается более точная, нежели при системе прямых вопросов-ответов. Опросы об отношении россиян к тем или иным историческим событиям и персоналиям достаточно распространены. Однако они носят спорадический характер. Возникает потребность в постоянной социологическом мониторинге исторической рефлексии российского населения. Институционально это предполагает создание специальной историко-социологической службы.

Знаковой фигурой в современном историческом дискурсе в России является И.В. Сталин. Оценка Сталина выступает индикатором общественной позиции. Такую же роль в историческом дискурсе в Российской империи выполняла фигура Ивана Грозного. Высокий рейтинг Сталина часто преподносится как некая патология соз-

нения россиян. Объяснение феномену сталинской популярности находят в сублимации протестных настроений. Но есть в этой популярности и другая составляющая. Именно на сталинский период приходился апогей геополитического могущества страны. Характерно сравнение в этом отношении рейтинга популярности исторических персоналий среди населения западных государств. Кого на Западе признают в качестве величайших представителей своих наций? Величайшие британцы — это не Шекспир и не Ньютон, а Черчилль. Как и Сталин, это политик имперского типа. С его именем связаны и жертвы, в том числе, жертвы колониальных войн, военная интервенция против Советской России, провозглашение начало «холодной войны». В десятку величайших англичан входит также Оливер Кромвель. При Кромвеле, как известно, Англию потрясли массовые репрессии. Величайшая историческая фигура США — не Мартин Лютер Кинг, не даже Авраам Линкольн, а Рональд Рейган. Для американцев наиболее привлекательным оказался образ победителя Советского Союза в «холодной войне». Рейган, следует напомнить, объявлял крестовый поход против коммунизма, шутил в радиоэфире об отданном приказе бомбардировки Советского Союза. Французы выбирают исторической персоной № 1 Шарля де Голля. Фигура французского маршала тоже далеко не гуманистическая. В Германии первое место в соответствующем рейтинге занимает ни кто из великих немецких ученых, а федеральный канцлер Конрад Аденауэр, ассоциируемый с жесткой политикой в отношении СССР и стран советского блока. На втором месте германского рейтинга находится Мартин Лютер, на третьем Карл Маркс. Оба они тоже борцы, каждый за свои идеалы. Показательно, что первые места в национальных рейтингах ведущих западных государств, за исключением, может быть, Франции, заняты фигурами, проводящими враждебную политику в отношении СССР. Между тем, России предлагают на Западе полюбить кого-то вроде Сахарова или Горбачева. Национальным героем России может быть и не Сталин, но, безусловно, это фигура должна аккумулировать запросы россиян на выдвижение образа державного правителя. Определение галереи таких образов — важнейший компонент государственной исторической политики.

Рассмотрим для иллюстрации сложившейся результаты резонансного телепроекта «Имя России». (Рис.4.)²³. Долгое время в рейтинге национальных героев лидировал, как известно, Сталин. И даже в итоговом деформированном виде в список в 12 первых мест вошли и Сталин, и Ленин, и Иван Грозный – фигуры, традиционно деэвуируемые в либеральной историографии. Проект стал своеобразным индикатором нового национального раскола.

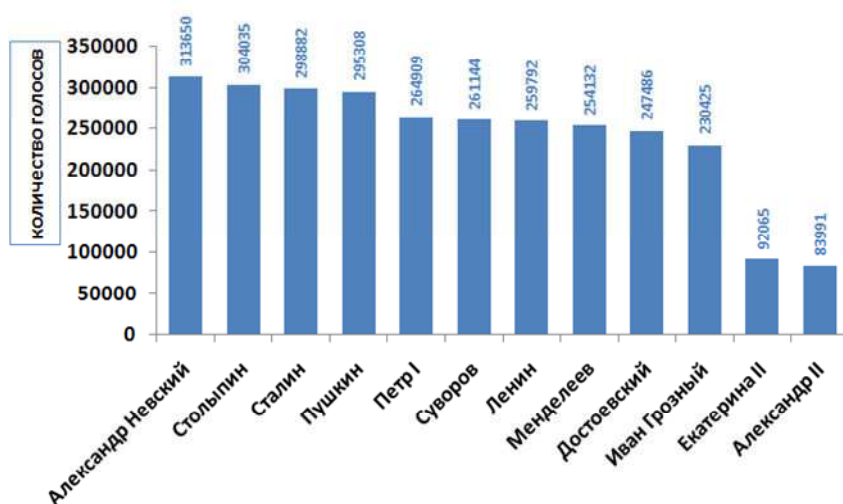

Рис.4. Результаты голосования по проекту «Имя России»

Еще проведенный в 2005 году опрос Фонда общественного мнения по отношению общества к И.В. Сталину показал, что большая часть опрошенных относилась к данному историческому персонажу положительно. (Рис.5)²⁴. В дальнейшем эта тенденция только усилилась.

²³ www.nameofrussia.ru/ -

²⁴ www.fom.ru/ -

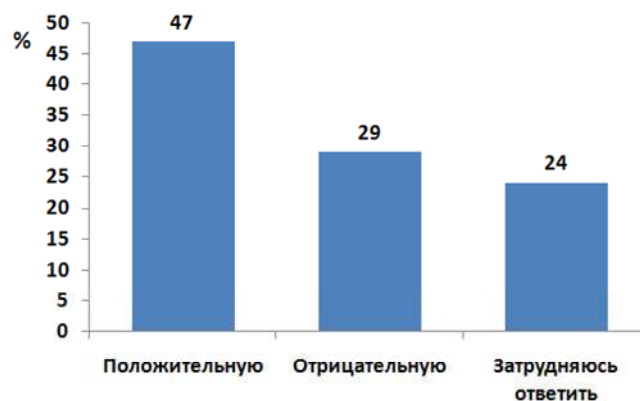

Рис.5. Опрос ФОМ: Какую роль, на ваш взгляд, сыграл И.В. Сталин в истории России - положительную или отрицательную? % ответов

Такой же диссонанс между официальной историографией и народным восприятием фиксируется по отношению к Л.И. Брежневу и брежневскому периоду отечественной истории. Какие ассоциации вызывают они в современном российском социуме? Первые места в ассоциативном ряду – хорошая жизнь, достаток, работа, позитивные эмоции, порядок, стабильность, спокойствие. (Рис.6)²⁵. Народ опять-таки иначе воспринимает эпоху Брежнева, чем трактует ее современная учебная литература.

²⁵ www.fom.ru/ -

Рис.6. Опрос ФОМ: Какие чувства, мысли, ассоциации возникают у вас, когда вы слышите имя «Леонид Брежнев»? , % ответов

Существует и другая сторона проблемы. Согласно опросу Левада-Центра 2013 года, тройка правителей XX века, к которым население России имеет положительное отношение распределена в следующей последовательности – Брежнев, Ленин, Сталин. Наихудшим оказалось отношение к Горбачеву и Ельцину. Казалось бы, отношение народа высказано вполне определенно. Однако из приводимых результатов голосования следует, что ни один политический лидер России (СССР) двадцатого столетия не является, безусловно, принимаемой фигурой для большинства российского населения. К Брежневу и Ленину положительно относится чуть больше половины россиян, к Сталину – ровно половина. Это значит, что явного большинства в поддержке коммунистических лидеров нет. Диапазон между ними и идущими следом правителями иной идеологической семантики Николаем II и Хрущевым (традиционный образ десталинизатора) – всего несколько процентов. Пятьдесят процентов совокупных ответов положительно» и «скорее положительно» набрал

Сталин и сорок восемь процентов Николай II. Более того, по ответам определенно положительного отношения Николай II опережает и Сталина, и Ленина. В то же время Горбачев и Ельцин, за которыми закреплен образ разрушителей СССР, по совокупности ответов положительно» и «скорее положительно» получили поддержку почти четверти россиян.

Табл. 1. Результаты опроса Левада-Центра 2013 года. Каково ваше отношение к ...?

	Нико- лаю II	Ле- нину	Ста- лину	Хру- щеву	Бреж- неву	Горба- чеву	Ель- цину
Положительное	14	15	13	6	13	3	4
Скорее положи- тельное	34	40	37	39	43	19	18
Скорее отрица- тельное	13	18	25	23	20	35	34
Отрицательное	8	10	13	12	9	31	30
Не знаю такого	4	1	1	2	1	1	2
Затрудняюсь от- ветить	27	16	11	19	14	12	12

Широкий общественный резонанс вызывает проводимая на 5-ом канале передача «Суд времени», построенная как столкновение двух обозначенных позиций. Фигуранты полемики – с одной стороны, Л. Млечин и Н. Сванидзе, с другой, С. Курги-
нян. Иначе как провал либеральной версии истории результаты народного голосо-
вания по оценке прошлого невозможно классифицировать. Народ навязываемой
либеральной версии изложения истории не принял. Это был очевидный публич-
ный провал всей постсоветской историографии. (Рис.7)²⁶.

²⁶ www.5-tv.ru/video/programs/1000072/ -

Рис.7. Голосование телезрителей на программе «Суд времени», в %

И какова была реакция на эти результаты со стороны элиты? Реакции ИНСОР достаточно хорошо известна. Народ не приспособлен к либеральной модернизации, не готов к ней ментально. Реакция Н. Сванидзе на «Суде времени» – сходная. Народ психологически болен, а его историческая рефлексия, соответственно, есть отражение этого нездоровья. О «немыслимом» отрыве науки от массовых представлений психологически искаленного населения говорил, комментируя результаты голосований, и Л. Млечин. Вспоминается невольно риторика выступлений Н.И. Бухарина. Русский народ – «коллективный Обломов» не годится для коммунизма. Для достижения коммунистического идеала нужен ментально другой народ. Соответственно, его обскурантистское христианское сознание следует поломать. Наиболее точная характеристика этой большевистской атаки на «Святую Русь» выразилася понятием «русофобия».²⁷

Реакция противоположной стороны на результаты голосований также не оставляла возможности консенсуса. Жестко номинировалось существование антинародного

²⁷ Шафаревич И. Русофобия. М., 1989.

меньшинства. А ведь речь шла об интерпретации истории. Устанавливалась жесткая каузальность между историческими взглядами и патриотизмом. Между тем, можно было быть патриотом и даже державником, но в отличие от С. Кургиняна, негативно относиться к Петру I и позитивно к Николаю II. Телевизионное шоу еще более усилило раскол исторического сознания. Риторика «Суда времени» и «Исторического процесса» звучала в период избирательной борьбы 2011-2012 гг. Язык вражды номинировал маркеры – «быдло» и «оранжевые собаки». Использовалась, по сути, риторика гражданской войны. Дальше, по этому сценарию, должна последовать фаза перехода от слов к действиям.

Безусловно, либеральную западническую версию истории, занимавшую доминирующие позиции в российской историографии, необходимо было низвергнуть с пьедестала. Критика ее необходима для формирования цивилизационноидентичной концепции российского исторического процесса. Представленной критики на уровне телевизионных судов явно не достаточно. Но в рамках ток-шоу была перейдена грань, отделяющая критику концепции от ведения войны против определенного круга социума. Необходимо, соответственно, продумать механизм погашения ряда продуцируемых историческими дискуссиями конфликтов.

Феномен «исторического забвения»

Подрыв оснований существования российского социума может осуществляться через воздействие на психику человека. Прямым путем психологической дезориентации является разрушение традиционных координат смысла жизни. Посредством запуска механизма перманентных социальных потрясений у народа формируется чувство неуверенности в завтрашнем дне, вызывая рост психологической дискомфортности. Достигается состояние повышенной стрессорности российского населения. Результатом информационного шокового поражения является психическая деструкция личности. «Переоткрытие страниц прошлого» выступает традиционно одним из наиболее сильных детонаторов таких потрясений.

В целях предотвращения указанных угроз государство должно взять на себя защиту психологического и психического здоровья граждан. Преподавание истории и историческое просвещение должны вестись с учетом указанного ограничителя. Отсюда необходимость цензурирования информационной раскрутки конфликтосодержащих и потенциально стрессорных тем истории (предпочтительность в определенных случаях «исторического забвения»).

История как коллективная память

Социальные функции истории определяются ее ролью в качестве коллективной памяти социума. Посредством единого прошлого формируются групповые идентичности – цивилизационные, национальные, этнические.

Единая коллективная память для народа России означает наличие поколенчески преемственной, неразрывной российской истории. Этот подход противостоит предпринимаемым попыткам представить историю России как множественность историй отдельных государств (Киевская Русь, Владимиро-Суздальская Русь, Московское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация).

Проблема единой российской истории это в сущности своей вопрос о единой идентичности народа России. Версии единой российской истории противостоят с разных сторон два оппонирующих подхода, одинаково разрушительных в отношении сложившихся исторически цивилизационных и культурных идентификаторов. Первый подход, соотносящейся с тенденцией унифицирующей глобализации, состоит в растворении истории России в мировом историческом процессе. Данный подход, как известно, уже реализовывался в советской образовательной системе 1920-х гг. Тогда он определялся задачей выхолащивания русской национальной идентичности и формирования человека «не обремененного грузом прошлого».²⁸ Современная попытка переориентации от российской канвы истории к общемировой может

²⁸ Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Вдовин А. Русские в XX веке. М., 2004; Шафаревич И.Р. Русофобия. Две дороги – к одному обрыву. М., 1991.

иметь сходные последствия. В большей части новых федеральных государственных образовательных стандартах вместо дисциплины «История России» введена дисциплина «История», что отражает фактическую реализуемость указанной переориентации.

В очередной раз предпринимается попытка растворения истории России в истории мира. Идет широкая дискуссия. Основной аргумент сторонников данной ревизии состоит в том, что история России не может быть правильно описана в отрыве от мирового исторического процесса. Следовательно, говорят они, нужна реконструкция внешнего контекста. Среди сторонников контекстуализации российской истории – видные фигуранты руководства исторической науки в России. Аналогичная установка, надо напомнить, реализовывалась в 1920-е годы. Тогда это объяснялось задачами борьбы с руссоцентризмом.

Казалось бы, что плохого может принести восстановление на уроках истории внешнесредового контекста? Но весь вопрос в том, чтобы контекст не занял положения содержательного ядра. А угроза такого рода существует. Речь идет о том, что история мира, или в другой версии – история мировых цивилизаций может оказаться преимущественным изложением истории Запада. Российский исторический опыт в этом случае оказывается периферийным. Западная компонента в Примерной программе основного общего образования по всеобщей истории составляет 72,7 % дидактических единиц. Вместе с миром в целом, а по сути глобализированной историей Запада, эта доля возрастает до 82,5 %. Всеобщая история оказывается на поверку историей западной цивилизацией. (Рис.8).

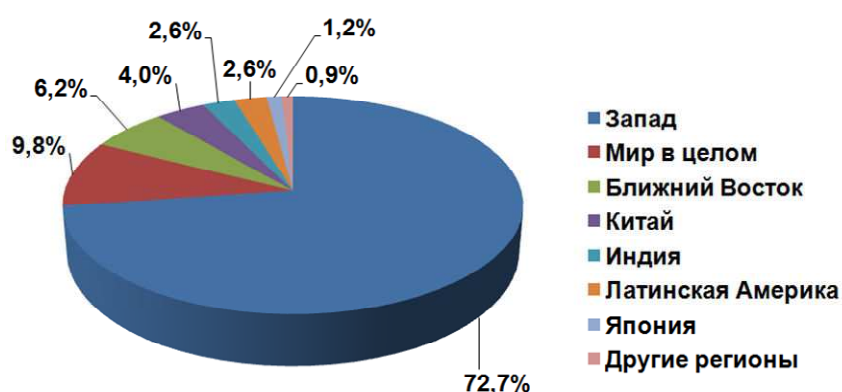

Рис.8. Доля цивилизаций в дидактических единицах Примерной программы основного общего образования по всеобщей истории, в %

Каков может быть методологический выход из создавшегося положения? Игнорирование внешнесредовых процессов было бы столь же неправильно, как и растворение собственного исторического ядра. Предлагаемый выход видится в принципиально новой методологической постановке. Вместо освещения истории России через призму мировой истории, напротив, освещение мировой истории через призму российского исторического процесса. История мира предстает под российским углом зрения, с позиций реализуемой Россией ее исторической миссии.

Другой оппонирующий подход, соотносящийся с глокализационными вызовами современности, ориентирует на разработку этно-региональных версий исторического процесса. История отдельных этносов в этом изложении представлена как самостоятельная и неинтегрируемая в единую историю России. При этом, ввиду отсутствия реальных исторических оснований, часто используются приемы мифологизации прошлого. Космополитизация первого подхода дополняется, таким об-

разом, этнизацией второго. Как следствие – прослеживаемая по данным социологических опросов эрозия российской цивилизационной идентичности.

Попытки исторического дезавуирования России как цельной системы жизнеустройства соотносятся с направлением создания отдельных этно-региональных версий истории. Речь, причем, идет не о краеведческом изложении, а именно о претензии завить существование в прошлом иной, отличимой от российской цивилизации. С 1993-1994 учебного года в национальных республиках РФ на уровне школ (не говоря уже о вузах) ведется, параллельно с курсом общероссийской истории - федерального стандарта, преподавание курсов этнонациональной истории. На практике зачастую приоритет в ущерб общефедеральному отдавался национально-региональному компоненту. При рекомендации отведения на национально-региональный компонент не более 10-15 % часов, отводимых в целом на изучение истории, эти нормы явно не соблюдались. Так, на изучение истории Татарстана в школах республики отводилось в реальности от 25 до 50 % учебного времени.²⁹ При этом под титулом национально-регионального компонента шло преимущественно преподавание этнической истории, но не истории региона. Содержательно курсы этнической истории часто диссонируют концептуально и ценностно с курсом истории России. Иногда обнаруживается различие в интерпретациях одних и тех же исторических событий. Прослеживается тенденция представить национально-региональную историю более продолжительной, нежели история России. Признание этого обстоятельства означало бы утверждение цивилизационного первородства. Следующим шагом по этой логике является формулировка прав национально-государственного суверенитета. Именно в такой последовательности шел процесс распада советской идентичности. Важным, не всегда должным образом оцениваемым фактором этого распада, являлось конструирование, часто искусственное, государственной истории отдельных народов СССР. В современном этнорегиональном историческом разрезе история осетин выводится от древнему Аланскому царству, адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) – от Хеттского царства, ряда тюркских этносов – от Хазарского каганата. В рамках булгаристской версии изло-

²⁹ Шнирельман В. Российская школа и национальная идея // <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/sh21.htm>

жения истории казанских татар выдвигаются утверждения будто бы Волжская Булгария существовала как независимая политическая единица с VII до XVI века, времени взятия Казани войсками Ивана Грозного, а Русь входила в состав Булгарского царства.³⁰ Этноцентристская парадигма трактовки истории наглядно проявилась в теории «половецкой Руси» М.Э. Аджиева.³¹ За сочинением истории великих свершений половцев следует вывод политического содержания: государствообразующей силой исторически на евразийском пространстве выступали не русские, а тюрки и, следовательно, уместна постановка восстановления тюркоцентричной государственности.

История может собирать социум, а может и разобщать. Следовательно, все зависит от того – интеграционные или дезинтеграционные представления получают доминирование в историческом сознании. В последние два десятилетия доминировали тенденции преподнесения истории в ракурсе дезинтеграции. Это не были прямые призывы к отделению. Но история отдельных народов преподносилась таким образом, что программировалось представление о наличие собственной исторической траектории развития, не совпадающей с общим фарватером развития России. Отсюда - эрозии системы идентичностей.

Становится очевидным, что образование, как на уровне школ, так и вузов, с задачей формирования многоуровневой модели идентификаторов не справляется. Фиксируется три параллельно разворачивающихся процесса. Первый – распад большой цивилизационной идентичности. Единого цивилизационного идентификатора (по типу – «советский народ») пока не предложено. Другая сторона – распад малых идентичностей. Коренные многочисленные народы России не только

³⁰ Шнирельман В. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // http://sceptis.net/library/id_162.html; Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Учебник для старших классов средних школ. Владикавказ: Ир, 2000; Мизиев И.М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII-XVIII вв. Пособие для учителей и краеведов. Нальчик, 1995; История Кабардино-Балкарии. Учебное пособие для средней школы. Нальчик, 1995; Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Черкесск, 1998; Кодзоев Н.Д. История ингушского народа. С древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие для 7-9 классов общеобразовательных школ. Магас: Сердало, 2002; Нурутдинов Ф. Г.-Х. Родиноведение (методическое пособие по истории Татарстана). Казань, 1995; Мифтахов З.З., Мухамадеева Д.Ш. История Татарстана и татарского народа. Учебник для средних школ, гимназий и лицеев. Часть 1. Казань, 1995; Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа. Ч. 1. Казань, 1995.

³¹ Аджиев М.Э. Мы – из рода половецкого. М., 1992; его же. Полюнь Половецкого поля. М., 1994; его же. Европа, тюрки, Великая Степь. М., 1990.

вымирают физически, но и ассимилируются. Третья тенденция заключается в конструировании новых общностей, принятие идентификаторов вымышленных народов.

Сложившаяся ситуация продуцирует угрозы как в отношении малых народов, так и большой российской общности. Выход видится в восстановлении системы двухуровневой идентичности. Идентичность отдельных этносов – малая идентичность, новый цивилизационный маркер – большая идентичность. Но для этого нужна соответствующим образом – двухуровнево выстроенная канва истории. Учебников такого типа пока не существует.

Отсюда главное – поиск оснований для общности идентификаторов, установление центростремительной по отношению к государству системы этнической идентификации. Основная проблема состоит, таким образом, в создании идентификационного моста, связующего в рамках единой исторической концепции системы цивилизационный и этнический уровень идентичности.

О необходимости «священной истории»

Восприятие истории прошло исторически несколько стадий. Первоначально она воспринималась как сакральная категория – «священное прошлое». Далее ее восприятие выстраивалось через раскрытие смыслов исторического процесса. Далее, история становится по-преимуществу информацией, совокупностью фактов. Но факты всегда интерпретируемы. Из позиционирования истории как информации следует ее понимание как интерпретации. Каждый сам себе историк, каждый пишет историю, как ему заблагорассудится. Дисциплинарный кризис очевиден.

Концепт его преодоления может состоять в восстановлении изначальных, утраченных функций истории. Учитывая все накопленные знания по добыванию и обработке исторической информации, необходимо вернуться к процессному пониманию истории. Понимание же истории в качестве процесса объективно выводит на

вопросы о направленности исторической развертки и ее ценностном фундаменте. Первая группа вопросов легитимизирует историософию, вторая – священную историю. В первом случае реализуется когнитивная, во втором – ценностная функция истории. Легитимизация священной истории России ставит на повестку задачу определения круга величайших ее исторических свершений и пантеона исторических героев. На настоящее время нет ни того, ни другого.

Один из основных механизмов закрепления ценностей в общественном сознании заключается в их образном отображении. Народу необходимы в качестве ценностных ориентиров образцы для подражания. Каждая нация исторически формировала свой пантеон национальных героев. Одним из наиболее распространенных приемов их сакрализации является причисление к лику святых. Церковь в данном случае выступает проводником государственной политики по укреплению аксиологических потенциалов национального государства.

В 1920 г. католической церковью была канонизирована Жанна д'Арк. Ее канонизация стала одним из факторов вывода Франции из состояния общественной фрустрации послевоенных лет. Образ национальной героини задавал ценностный ориентир в консолидации французского народа. Он стал впоследствии неременным атрибутом патриотической пропаганды. Сегодня Святая Жанна рассматривается как символ национальной идентичности французов, ценностно противостоящий глобализационной унификации. Ее подлинный исторический облик оказался идеомифологически переформатирован³², но это французов не смущает. Каких-либо кампаний по развенчанию сакрального образа Жанны д'Арк, в отличие от аналогичных дискуссионных вбросов «за историческую правду» в отношении российских национальных героев, во Франции не проводится³³.

История и новое идеологическое строительство России

³² Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. М., 1992; Райцес В.И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.

³³ Рубинский Ю.И. Национальная идея в политической культуре Франции //Национальная идея: история, идеология, миф/ Отв.ред. Г.Ю. Семигин. М., 2004. С. 24.

Государство, претендующее на значимую роль в мире, не может существовать без государственной идеологии. Для цивилизационнообразующих государств, таких как Россия, наличие идеологии, номинирующей базовые ценности соответствующей цивилизации, имеет особое значение.

Перед Россией на всем протяжении ее истории, фактически всегда, начиная со времен древнерусской государственности, стояла задача осуществления форсированной модернизации. Ее необходимость связывалась с наличием то сокращаемого, то усугубляющегося отставания от Запада. Увеличение этого отставания актуализировало угрозу западной экспансии и, соответственно, потерю суверенитета, территориальный распад и, как итог, цивилизационную гибель. Поэтому в критические точки максимизации геополитического давления речь шла не о просто о модернизационном векторе развития, а о форсированном рывке. Осуществить этот рывок представлялось возможным исключительно в режиме мобилизации. Отсюда – особая роль государственной власти, как силы, мобилизующей народ на свершения. Отсюда и исторические провалы принятия либерализационных концептов в различных их модификациях по отношению к России. Задача, стоящая перед российским государством в каждую конкретную историческую эпоху, состояла в нахождении соответствующей духу и реалиям времени мобилизационной идеологии.

Идеологическая рефлексия прослеживается на всем протяжении российской истории. Наиболее системно государственная идеология России была сформулирована в рамках концептов «Москва – третий Рим» (с модификацией «Новый Иерусалим»), Христианской империи (выраженной уваровской триадой «православие» - «самодержавие» - «народность») и советского коммунизма (с опорой на ленинское антиимпериалистическое прочтение марксизма). Анализ содержания основных идеологических концептов приводит к констатации сохранения единой смысловой парадигмы. Менялся в соответствии с духом времени только политический язык. В этом отношении можно говорить о едином российском идеологическом проекте и его исторически контекстных воплощениях. С одной стороны, смена идеологием соотносилась с новыми реалиями и вызовами развития страны и мира.

С другой, их модификация носила зачастую формальный характер, скрывая за модифицированными маркерами константные принципы и ориентиры российской национальной идеи.

Основным вызовом в отношении идеологических потенциалов российской государственности является конституционный запрет на наличие государственной идеологии России. При этом осуществляется фактическое насаждение бездуховно-материалистической, денежно ориентированной идеологии, ценности индивидуализма. Через различные каналы СМИ, науки, образования проводится поддержка западной ценностной ориентации российских элит и населения. Имеют широкое распространение дезинтеграционные, с точки зрения российской государственности, идеологемы. Выдвигаются идеологемы, принятие которых ориентирует Россию на ее идеологическую регионализацию. Постановка проблемы о мировой миссии России подвергается дезавуированию как проявление «русского империализма». Продолжается кампания по искусственной негативизации исторического образа России. Активно утверждаются стереотипы об имманентном империализме и автократичности русских. Следствием распространения антироссийских идеологем на постсоветском пространстве является выстраивание нового идеологического типа «санитарного кордона». Антироссийский вектор мифологизации истории с очевидностью проявляется в государствах «ближнего зарубежья».

Какова могла бы быть роль истории в преодолении сложившейся ситуации?

Каждому известна фраза П.Я. Чаадаева о том, что прошлое России темно, настоящее ужасно, а будущего вовсе нет. Это целая логическая цепочка рассуждений. Почему нет будущего? Потому что прошлое темно, оно неизвестно. Где точка отсчета в развитии? Где та траектория, которая ведет в будущее? Ее нет, ибо прошлое темно. Поэтому и настоящее ужасно, поэтому сама Россия есть некая девиация. Поскольку нет прошлого, не может быть и будущего. Будущего не может быть у того, у чего нет точки исхода. И напротив, описание и главное – осмысление прошлого, соединение его с настоящим, а через него проецирование на будущее дает прин-

ципиально иную картину. Поэтому идеология без концептуально осмысленной истории невозможна.

Первыми практическими шагами нового идеологического строительства в России в рамках возможностей истории могла бы стать реализация следующих концептов решений. Необходима разработка государственного документа, предлагающего аккумулятивное изложение исторического прошлого России. Таким документом могло бы стать, например, Послание президента об «историческом опыте России». Необходима номинация и последующая пропаганда исторически идентифицированных ценностных оснований российской государственности. Разработка с позиций выявления российских цивилизационно-ценностных накоплений курсов истории государственной идеологии России должно сформулировать общественный запрос на новую модификацию российской национальной идеи. Государство должно взять на себя организацию научного дискурса об исторической миссии России. Значимыми шагами в этом направлении может стать утверждение историософии как специальности ВАК, внесение историософских курсов в университетские программы. Особая потребность существует в создании Совета по отстаиванию интересов России на международной арене по направлению истории. Необходимо мониторингирование тенденций формирования исторического образа России в мире, организация соответствующей пропаганды и контрпропаганды. Слово пропаганда, вызывающее нежелательные коннотаты, может быть заменено на историческую страновую имагологию.

История в государственных гимнах

При соответствующей художественной обработке исторические образы могут нести повышенный эмоциональный заряд. Они традиционно используются в качестве мотиваторов народа на свершения. Эта возможность истории используется, в частности, в государственных гимнах. Многие гимновые тексты представлены ком-

позиционно как апелляция к прошлому. Либо в них реконструируется в целом вся история страны, либо описывается конкретное историческое событие, или период.

Современный гимн Российской Федерации диссонирует в этом отношении с мировым опытом. В нем имеется только одна историческая апелляция – «предками данная мудрость народная». Ни одно из великих исторических свершений России в гимне не отражено.

Для сравнения, государственный гимн СССР выстраивался на кальке изложения истории. Естественно это была советская версия осмысления исторического процесса. Первый смысловой блок гимна указывал на роль Руси в сплочении вокруг себя других народов СССР. Далее говорилось о собственно советском историческом опыте, связанном с фигурами Ленина и Сталина. Наконец, третья смысловая часть гимна была обращена к событиям Великой Отечественной войны («захватчиков подлых с дороги сметем»). В 1977 г. в советский гимн были, как известно, внесены некоторые коррективы. Купировалось упоминание фигуры Сталина, снимался контекст войны. Но и в новой версии композиция гимна от прошлого – к будущему («торжеству коммунизма») сохранялась.

История в художественном творчестве: необходимость государственного социального заказа

Особый воспитательный эффект имеет использование исторических сюжетов в художественном творчестве. Государственная политика в этой сфере реализуется через соответствующий заказ со стороны государства. Благодаря художественным произведениям, эмоционально представленные исторические образы закрепляются в том или ином семантическом ракурсе в общественном сознании. Воспринимаемое иногда аполитичным творчество историков-романистов несло во все времена высокий идеологический заряд. Через создание героического образа роялистического французского дворянства в романах Александра Дюма дворянское сословие брало своеобразный реванш (реванш в прошлом) за унижения, ко-

торое оно испытывало в новой системе общества установленной буржуазной революцией 1830 года. В романах Вальтера Скотта на средневековый период переносились острые межнациональные конфликты девятнадцатого века (лейтмотив многих скоттовских произведений), не характерные, в действительности, для эпохи средневековья. Исторический роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» нельзя понять без контекста его написания 1861 г. Охватившие общественность либеральные идеи требовали пафосного осуждения тиранов прошлого, дезавуирование самого концепта самодержавия.

Особое значение в формирование исторического сознания художественными средствами имеет кино. Анализ показывает, что матрица восприятия истории старшими поколениями россиян была выработана, в первую очередь, историческими художественными фильмами. Прежде всего, речь идет о кинолентах, созданных в период второй половины 1930-х – 1940-е гг. Ввиду проявленного ими долгосрочного влияния на сознание значительной части населения, остановимся на этом феномене подробнее.

«Хорошая картина, - говорил Сталин, - стоит нескольких дивизий».³⁴ Это было произнесено им в самые критические дни войны, когда ни то, что дивизия, а каждый батальон ценился на вес золота.³⁵ Как известно, И.В. Сталин рассматривал кинематограф в качестве важнейшего из современных средств ведения идеологической борьбы. Он неоднократно ссылался на ленинский тезис о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино». Уже в отчетном докладе ЦК на XIII съезде РКП (б), первом после смерти В.И. Ленина, генеральный секретарь говорил об особой агитационной силе кинематографа. «Кино, - дополнял он ленинский постулат, - есть важнейшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки».³⁶ Особо видная роль в качестве идеологического фактора отводилась историческим кинолентам. В формирование исторического сознания народа учебники функционально часто подменялись кинофильмами.

³⁴ Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С.49.

³⁵ Телегин К.Ф. Не отдали Москвы. М., 1968.

³⁶ Сталин И.В. Собр. соч. М., 1948. т.6. С.217.

Из исторических кинолент принципам нового национальноориентированного прочтения истории в наибольшей степени отвечал фильм «Александр Невский». В нем были обозначены в исторической ретроспективе все геополитические противники Советского Союза. На Западе вооруженный кулак чужеродного мира олицетворяли немецкие рыцари. Это соотносилось с интерпретацией фашизма, как антисоветского порождения международного империализма. Клин псов-рыцарей на Чудском озере вызывал у зрителей ассоциации с стальной машиной вермахта. За спиной крестоносцев в фильме фигурировали иерархи католической церкви. При переносе на современную политическую конъюнктуру латинские прелаты вызывали ассоциации с высшими политическими кругами западных демократий. Именно они стояли за спиной милитаризированных тевтонов, направляя их агрессию на Восток. Расправы, чинимые рыцарями в Пскове, изображались по сценарию зверств нацистов на оккупированных территориях. Увенчанный рогами шлем магистра ордена представлял собой некий художественный симбиоз рыцарской культуры и язычества викингов. Именно такой образ древнего тевтона конструировался в рамках ариософской мифологии Третьего Рейха. Крестоносцы принудительно мобилизовали в орденское войско тысячи кнехтов. К последним в фильме демонстрировалось более благожелательное отношение, нежели и рыцарям, подчеркивалось их подневольное положение. Взятые в плен кнехты безвозмездно отпускались на родину, тогда как рыцари выменивались на мыло. Образ кнехтов вызывал у советского зрителя ассоциации с европейскими сателлитами Германии.

Японско-китайская угроза на Востоке трансформировалась в кинокартине в татарский политический фактор. Татарскими нукерами распорядился некий китайский сановник. С первых же кадров фильма проводилась мысль, что восточная угроза вторична по степени опасности для Руси по сравнению с агрессией Запада. Это соответствовало логике политического момента, когда опасность, исходящая от Германии расценивалась более глобальной, нежели идущая от Японии. В уста Александра Невского режиссеры вложили слова, из которых следовало, что победив противника на Западе, Русь обратится для борьбы с врагами на Восток.

Наряду с внешней опасностью, угрозу русской государственности представляла внутренняя крамола. Историческим эпосом победы над внутренним врагом должен был, по замыслу политического руководства, стать фильм «Иван Грозный».³⁷ Кинокартина об Иване IV задумывалась как трилогия. Первая серия должна была быть акцентирована на борьбе с врагами на Востоке. Вторая серия, писал Эйзенштейн Сталину, «внутри-московская и сюжет ее строится вокруг боярского заговора против единства Московского государства и преодоления царем Иваном крамолы».³⁸ Заключительную часть трилогии предполагалось посвятить Ливонской войне, т.е. борьбе с врагом на Западе. Таким образом, через призму картины раскрывалось видение советским человеком трех ипостасей образа врага – западного, восточного и внутреннего. Последняя серия должна была завершиться сценами разгрома Ливонии, трагической смертью Малюты Скуратова, походом царя к морю. В финале фильма, согласно сценарию, Иван Грозный, глядя на морскую пучину, говорит: «На морях стоим и стоять будем!»

Снимая фильм «Иван Грозный», С.М. Эйзенштейн находился в рамках стереотипов интерпретации образа царя Н.М. Карамзиным. Но Сталину необходима была державная версия прочтения царствования Ивана Грозного. «Не фильм, а какой то кошмар!» - резюмировал Сталин свои впечатления после просмотра второй серии «Ивана Грозного»³⁹ В дальнейшем Сталин разъяснял причины своего недовольства картиной: «Эйзенштейн в ней плохо показал опричнину. Это собрание дегенератов, что-то вроде американского ку-клус-клана. Опричники – это было войско Ивана Грозного, которое он собрал для борьбы с боярами и князьями. Сам Грозный был энергичен, с сильной волей и характером, а у Эйзенштейна он получился слабохарактерным, слабовольным, что-то вроде Гамлета».⁴⁰ Так и оставшись неудовлетворенным работой Эйзенштейна, Сталин предполагал поручить создание нового фильма об Иване IV режиссеру И.А. Пырьеву. Симптоматично, что в революционной послеоктябрьской идеологии монархи выступали олицетворением классо-

³⁷ Черкасов Н.К. Записки советского актера. М., 1953. С.380.

³⁸ Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор. С.73.

³⁹ Там же. С.74.

⁴⁰ Там же. С.80.

вого врага, тогда как в сталинском кино князья и цари преподносились уже в качестве национальных героев. Напротив, врагами России изображались все те, кто выступал против царского престола. Сцены народного бунта в исторических кинокартинах не имели антицарской направленности. Народ бунтовал против сановников и придворной камарильи, т.е. скрытых противников царя, а соответственно и русского государства. Такой сюжет обыгрывался, в частности, в кинофильме «Петр I». Заводчик пытался ввести в заблуждение царскую ревизию, спровоцировал рабочих на восстание.

Официальные государственные документы зачастую нивелировали происходящие в обществе мировоззренческие метаморфозы. Именно советское кино выступало индикатором сталинской идеологической трансформации от революционного интернационализма к национал – большевизму. Через исторические фильмы доносилось более акцентировано то, что не могло быть произнесено публично.

Исторический календарь

Сетку исторических праздников имеют календари любого из государств мира. Как правило, они соединены концептуально в рамках единой версии национальной истории.

Советский календарь нерабочих праздничных дней был в значительной мере акцентирован на семиотике истории революционного движения. В 1939 г. выдвигалась даже инициатива переименования месяцев советского календаря. Предлагалось произвести следующие переименования: январь – месяц Ленина, февраль – месяц Маркса, март – месяц революции, апрель – месяц Свердлова, май – оставалось прежнее название, связанное с революционной традицией Первомай, июнь – месяц Советской Конституции, июль – месяц жатвы, август – месяц мира, сентябрь – месяц Коминтерна, октябрь – месяц Энгельса, ноябрь – месяц великой революции, декабрь – месяц Сталина. Нерабочими днями в советских календарных версиях разных лет являлись праздничные дни, связанные с различными историческими

датами: 9 января – день Кровавого воскресения, 22 января – день памяти Ленина, 8 марта – Международный женский день, 12 марта – день низвержения самодержавия, 18 марта – день Парижской коммуны, 1 и 2 мая – дни Интернационала (другое название – Праздник международной солидарности пролетариата), 9 мая – день Победы, 3 сентября – день Победы над Японией, 7 и 8 ноября – дни Пролетарской революции, 5 декабря – день Конституции. Календарь коррелировал с революционной историософией. Отказ от прежнего понимания исторического процесса должен был отразиться и на российском праздничном календаре. Однако новой исторической матрицы предложено не было. Как результат – отсутствие обоснования с позиции истории современной российской праздничной календарной сетки, эклектика смыслов праздников и их десакрализация. Суррогатизация – общая тенденция трансформации праздничного календаря в современной России.

Характерна в этом отношении инверсия семантики Первомай. В СССР 1 мая отмечалось как праздник международной солидарности трудящихся. Из всех праздничных торжеств он наиболее точно соотносился с идеологией первого в мире неэксплуататорского государства трудящихся. Первые десятилетия советской власти Первомай был главным государственным праздником в СССР. Первое и второе мая официально позиционировались как «дни Интернационала». С 1992 г. Первомай получил наименование «праздника весны и труда», парадоксальным образом смешав в своем идейном содержании совершенно различные ценностные ориентиры. Почему-то объединены природно-циклические и социальные ценности. Единственное объяснение этому – стремление как-то растворить политическую нагрузку праздника. Логика в этом просматривается в намерении выхолостить коннотации первомай с коммунистическим проектом.

Сегодня первомайские праздники усилиями властей оказались превращены в праздники «встречи с дачей». Вместо девиза пролетарской солидарности в борьбе

за права трудового человека установился прямо противоположный по духу ориентир ценностей мелкого собственника.⁴¹

День России, несмотря на высокопатетическое название, - самый абсурдный в ценностном отношении праздник в современном российском праздничном календаре. Предметом празднования является апелляция к принятой РСФСР 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете. Суверенность Российской Федерации достигалась посредством разрушения СССР, на самом деле являвшегося историческим воплощением самой России, такой, какой она сформировалась в истории своей государственности. День России, как Российской Федерации, стал отрицанием веками складывавшегося российского государства. Об этом почти прямо заявлено и в конституции страны – государственный суверенитет СССР как предшественника РФ проигнорирован. Государственный распад превращен в национальный праздник и ему присвоено к тому же наименование Дня России. Советский Союз являлся одним из исторических воплощений России. Президент назвал в свое время его распад величайшей геополитической катастрофой двадцатого столетия. Оснований для приурочивания Дня России к этому распаду идеологически подрывает саму идею исторической преемственности существования российской государственности.

День Победы, вероятно, единственный наиболее ясный в ценностном отношении праздник современной России. Достигнутая в 1945 г. победа над гитлеровской Германией и ее союзниками может рассматриваться как апогей истории российского государства, высшая точка его геополитического положения в мире. Но определенные вызовы смысловых инверсий существуют и в отношении него.

Стремление заместить смыслы Дня Победы, как великого торжества СССР (по сути – исторического торжества России), обнаруживались на Западе еще в период «холодной войны». Еще с большей очевидностью, при отсутствии соответствующего идейного отпора, эти установки проявились после распада Советского Союза.

⁴¹ Первое Мая в царской России 1890—1916 гг. Сб. док-тов. [М.], 1939; Почебут Г. А. Первомай. Л., 1961.

Почему Праздник Победы в СССР праздновался 9 мая, тогда как в других странах антигитлеровской коалиции – 8 мая? Советское руководство устанавливало дату праздника по московскому, а не по европейскому времени. Мелочь? Установление датировки праздника по московскому времени означало, что именно СССР принадлежала центральная роль в Победе. Вопрос о дате был вопросом о нахождении «мировой оси истории».

Организация Объединенных Наций специальной резолюцией, принятой в ноябре 2004 года, устанавливает на 8 и 9 мая ежегодное проведение Дней памяти и примирения. Государствам членам ООН рекомендовалось отдавать в эти дни «дань памяти всем жертвам Второй мировой войны». Конечно, гуманистический подход требует скорбеть о каждой человеческой жизни. Но почему бы дни этой скорби не отнести ко времени начала войны? Их же резолюция ООН отнесла на дату победы над агрессором, низвержения воплощенного в фашизме зла. Соответственно нивелируется при этом сам факт Победы. Кто должен с кем примиряться в дни примирения, при отнесении этих дней на время капитуляции германского фашизма? Примириться с фашизмом? В резолюции ООН прослеживается устремление провести ревизию в отношении определения прямого виновника развязывания войны и главной силы, повергшей мирового агрессора. Следующим шагом ревизионистской логики в 2009 году Парламентская Ассамблея ОБСЕ приравнивала в резолюции «Воссоединение разделенной Европы» сталинизм к национал-социализму. Был сформулирован призыв международного осуждения тоталитарных режимов. Среди российских историков и публицистов существуют, как известно, группы поддерживающие подход ОБСЕ. Они занимают достаточно влиятельные позиции. Укрепление данного направления может означать, соответственно, и инверсию семиотики Праздника Победы.

Важную роль в государственной исторической традиции могут играть юбилейные торжества. Ежегодно и даже ежедневно фиксируются исторические юбилеи. Задача, стоящая перед властью, состоит в выборе наиболее значимых из них, соотносимых с ценностным позиционированием государства. Соответствующая поддерж-

ка со стороны государства придает юбилею характер массовых общественных торжеств. Известно, какую роль сыграло, например, празднование тысячелетия крещения Руси в изменении государственной политики в отношении религии. Заметное влияние на риторику высшей государственной власти оказало проведение в 2012 году торжеств в рамках года истории. Эксперты отмечали высокую степень корреспонденции содержания дискурса в связи с осмыслением 1150-летней годовщины образования российской государственностью (конференция в Великом Новгороде) и текстом Послания президента Федеральному Собранию.

Особая культура проведения исторических юбилеев сложилась в Германии на рубеже XIX и XX веков. Выбор юбилейных дат и пафос торжеств подчинялся идее единства и величия немецкого народа. Развивалась тема германского патриотизма. Косвенно через празднование исторических юбилеев велась моральная подготовка населения к будущей войне.

Юбилейная культура Российской империи репродуцировала немецкие формы. Но в них было заложено собственное смысловое содержание. Исторические даты должны были в противовес надвигающейся революции проводить идею незыблемости и имманентности России самодержавного правления, значимости царской династической скрепы, единства государства и народа перед лицом внешней опасности. Наиболее резонансный характер имели торжества по случаю столетия Бородинской битвы и трехсотлетия дома Романовых.⁴²

Празднование исторических юбилеев в СССР преподносится в настоящее время в сатирическом духе. В перестроечный период пользовались популярностью анекдоты о советской юбилеемании. Феномен юбилеемании в СССР высмеивался в вышедшем в 1992 г. по произведению С.Д. Довлатова «Зона» фильме-гротеске «Комедия строгого режима». Однако исторические юбилеи играли в действительности важную роль в обеспечении трансляции базовых ценностей советского общества.

⁴² Цимбаев К. Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-108.

С юбилеями традиционно связывались многие исследовательские проекты и издательские серии. Непременно широкими издательскими сериями отмечались, в частности, юбилеи революций 1905 и 1917 годов. Стремление к их комплексному осмыслению отражал выход в 1985 г. коллективной монографии «Исторический опыт трех российских революций». Национальная проблематика в исторических исследованиях актуализировалась при наступлении юбилеев образования СССР. К годовщинам победы в Великой Отечественной войне приурочивались кампании разоблачения ее ревизионистской интерпретации в западной историографии.

Ряд масштабных юбилейных торжеств был отнесен к знаковым событиям русского дореволюционного прошлого. Так, в 1975 г. широко отмечался 150-летний юбилей восстания на Сенатской площади. Был опубликован ряд исследований и документов, относящихся к декабристской проблематике. Широкая кампания по усилению историко-патриотического воспитания была связана с отмечаемым в 1980 г. 600-летием Куликовской битвы. Торжества ознаменовались переизданием важнейших источников куликовского цикла, выходом серии исследовательских работ и художественных произведений.

Масштабные торжества, приуроченные к 800-летию создания «Слова о полку Игореве», прошли в 1985 г. в Москве, Ленинграде, Киеве, Владимире. Был осуществлен ряд юбилейных выпусков древнерусского памятника, а также его текстологических исследований. Среди последних выделялся вышедший под редакцией Б.А. Рыбакова сборник «Слово о полку Игореве и его время». В нем выявлялся идейный контекст создания произведения. Значительное внимание уделялось критике популярной на Западе теории о подложности «Слова».

Ряд трудов было приурочено к персональным юбилеям, круглым датам рождения того или иного исторического деятеля. Серия работ, посвященных А.В. Суворову, к примеру, увидела свет в связи с 250-летием со дня рождения полководца. Наиболее грандиозный характер носили юбилейные мероприятия, посвященные столетию со дня рождения В.И. Ленина.

«Год истории» в России показал, какое значение могут иметь исторические юбилеи. Через них задается определенное направление дискурса. Дискурс, в свою очередь, формирует повестку дня. То, что казалось, еще долго невозможно будет произнести от лица государственной власти (что скажет либеральная общественность? что скажет Запад?) в контексте исторических юбилеев прозвучало достаточно уместно. Этот транслятор – речь в связи с историческим юбилеем и далее целесообразно использовать для провозглашения от лица общественно значимых стратегем развития России.

Фундаментальные вопросы для российской исторической науки: история и историософия

На какие, прежде всего, вопросы должна дать ответ российская историческая наука? Она должна предъявить исторические основания самого существования России.

Целостное концептуальное осмысление истории, выявление ее движущих факторов, семантики и телеологической перспективы составляют предметную область историософии. Впервые понятие «историософия» было применено по отношению к исторической концепции Гегеля. Большое значение для формирования этого направления науки имели работы Н.И. Кареева. Задача историософии формулировалась им как исследование исторического процесса в его целостности. Историософия, согласно Н.И. Карееву, соединяет историю с категорией ценностей. Мыслители, работавшие над осмыслением феноменологии «русской идеи» (Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский), заявляли об историософичности русского национального сознания, ищущего через постижение смыслов истории ответы на принципиальные вопросы бытия. Основная историософская проблема заключается в соотношении универсально-общечеловеческого с индивидуально-национальным. Применительно к России ключевые вопросы историософии формулируются следующим образом.

Что есть Россия и какова ее судьба?

Существует ли особая историческая миссия России в мире?

Может ли Россия развиваться своим особым путем, не повторяя всех этапов западной истории?⁴³

Все эти вопросы целесообразно сформулировать и перед учащимися.

Историософский подход помогает сформировать определенную мировоззренческую позицию относительно истории и сущности своей страны. Историософский подход к истории России позволяет подчеркнуть:

- преемственность российской истории;
- наличие устойчивого цивилизационно идентичного ядра России;
- существование особого ценностного фундамента исторического воспроизводства российской государственности;
- специфичность российской исторической судьбы и собственной модели жизнеобеспечения;
- обладание Россией особой исторически сформировавшейся цивилизационной миссией в мире.

Проверка значимости различных ценностных ориентиров для государства определяется устойчивым воспроизводством их на различных исторических этапах. Самовосстановление ценности, при возможных ее модификациях на том или ином этапе, доказывает ее связь с существованием российского государства. Если при сме-

⁴³ Артемьева Т.В. Русская историософия XVIII века. СПб., 1996; Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX вв. Париж, 1946; Бердяев Н.А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. М., 1990; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991; Дугин А.Г. Конспирология. М., 1993; Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991; Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: в 2 т. СПб., 1887; Кареев Н.И. Философия истории в русской литературе. СПб., 1912; Кареев Н.И. Историология: Теория исторического процесса. Пг., 1915; Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1994; Любарский Г.Ю. Морфология истории. М., 2000; Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996; Пути Евразии. Сборник. М., 1992; Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Нижний Новгород, 1998; Пушкин С.Н. Историософия евразийства. СПб., 1999; Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб. 1992; Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993; Русакова О.Ф. Историософия: толкование предмета и типология. // Научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отд. РАН. Вып. 3. Екатеринбург, 2002; Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Семенов Ю.И. Философия истории. М., 1999; Сумма антропологии. Кн. 3. Антропологическая историософия. Новосибирск, 2000; Тартаковский М. Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка. М., 1993; Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 2003; Тойнби А. Постигание истории. М., 1991; Традиции русской исторической мысли. Историософия. (м-лы науч. семинара). Вып. 1. М., 1997. Вып. 2. М., 1999; Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993; Юсуфов Р. Ф. Историческая наука и историософия литературы: (о научном и эстетическом постижении истории) // История национальных литератур: перечитывая и переосмысливая. М., 1996. Вып. 2.

не исторической модели государства обнаруживаются некие устойчивые ценности, то это служит подтверждением аксиологической преемственности в исторической России.

Факторы жизнеспособности социума закреплялись на уровне коллективной памяти в качестве ценностей и передавались посредством традиций. Само номинирование сегодня указанного перечня ценностей позволяет через целевое воздействие на них посредством институтов просвещения, образования, массовой информации управлять потенциалами жизнеспособности государства.⁴⁴

Вместе с выявлением ценностных факторов, укрепляющих российское государство-цивилизацию, большое значение для государственного управления представляет выявление факторов, оказывающих разрушительное воздействие. Антиценности, в отличие от ценностей, ориентированы не на укрепление и жизнь государства, а, наоборот, на его ослабление. При доминировании антиценностей в управлении государством последнее может быть организовано таким образом, чтобы проводить политику даже в направлении самоуничтожения.

Антиценности, так же как и ценности, всегда субъектны. Их факторное (причинное) значение формируется и усиливается широким распространением на уровне массового сознания. Будучи мировоззренчески восприняты значительной частью населения, факторы, ведущие к разрушению государства, приобретают характер ложных общественных ориентиров.

Практическая рецептура истории должна состоять в определении специфического для России и максимально успешного оптимума функционирования систем жизнеобеспечения. О том, что успешно и что разрушительно для страны история дает представление через анализ исторических прорывов и катастроф. Россия, как и все другие страны, имеет свой собственный оптимум жизнеустройства. Отступление от него в ту или иную сторону, как показывает история, подрывало потенциалы жизнеспособности. Значительное отступление приводило к кризисам государственно-

⁴⁴ Национальная идея России. М: Научный эксперт, 2012. В 6 т.

сти и катастрофам. За период либеральных реформ 1990-х гг. произошло существенное отступление от оптимума в направлении первых из перечисленных выше сторон оппозиций. Сейчас необходим целенаправленный вектор движения в противоположном направлении. Но это не должно означать превышение оптимизационной меры. Этатисткая абсолютизация может оказаться столь же разрушительной, как и либерализационная абсолютизация и столь же противоречить цивилизационному оптимуму России.

Специфичность форм воплощения ценностей производна от средовых условий бытия. Генезис цивилизаций связан с определенным географическим ареалом, особым этническим составом населения и внешним окружением. Цивилизационная среда, соответственно, формируется через уникальный набор факторов исторического месторазвития. Для специфичных средовых условий существует свой адаптационный оптимум институциональных форм и механизмов. Отступления от него, увлечение иносистемными экстраполяциями объективно ведет к снижению жизнеустойчивости всей системы.⁴⁵

Российское государство представляло собой комплекс исторически сформировавшихся, обеспечивающих ее жизнеспособность систем. Эти системы определяли в значительной мере цивилизационное своеобразие России. Они обосновывались идеологически и закреплялись в сознании населения.

Системы демонстрировали свою эффективность. Однако на определенном этапе у части элиты стала складываться представление о возможности их замены на другие, более совершенные. В качестве эталона были взяты системы организации западного сообщества (конкретно - американского). Они воспринимались как общеприменимые универсалии, тогда как в действительности представляли собой специфические механизмы жизнеобеспечения определенной цивилизации.

Джеффри Саксу, одному из видных идеологов неолиберальных реформ в России, принадлежит следующее признание причин провала политики 1990-х: «Мы поло-

⁴⁵ Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М., 2008.

жили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия»⁴⁶: В либеральной, неозападнической печати сложился стереотип, что Россия имела все основания развиваться как страны Запада, но некие зловещие силы подталкивали ее на тупиковый путь. Е.Т. Гайдар свою книгу «Государство и эволюция» завершает призывом «сместить главный вектор истории России», т.е. всего ее исторического опыта.⁴⁷ Дж. Сакс не только констатировал провал политики реформ, он пошел дальше, заявив, по сути, о бесперспективности применения для России универсальных для западной цивилизации схем.

Первоначальная задача предполагаемого переустройства России (СССР) состояла в скорейшем демонтаже старых систем. На ее реализацию была ориентирована политика конца 1980х – 1990х гг. Однако привнесенные элементы западных систем жизнеобеспечения обнаружили в России свою нефункциональность. Итогом нелиберальных реформ явилась констатация, что страна продолжает существовать за счет сильно разрушенных, но не уничтоженных окончательно механизмов функционирования советской (а прежде – имперской) государственности. Результаты реформаторской деятельности оказались, таким образом, преимущественно отрицательными.

К таким же итогам в реализации задачи построения «государства нового типа» пришли в свое время большевики, взявшие в качестве эталона, как известно, модель Парижской коммуны. Однако построенное государство репродуцировало под новыми маркерами все основные черты старорежимной системы. Опыт обеих инверсий указывал, таким образом, на противоположность попыток цивилизационной инженерии. Задача же исторической науки состоит в описании цивилизационноадаптивных, исторически воспроизводимых систем жизнеобеспечения России.

В нижеприводимой таблице отражены ценностные устремления реформаторов по замене традиционных российских систем жизнеобеспечения на западные псевдо-

⁴⁶ Джеффри Сакс – экономический консультант правительства Е.Гайдара

⁴⁷ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция: Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб., 1997.

универсалии. Большинство этих экстраполяционных ориентиров по-прежнему составляют целевые установки для значительной части российской элиты.

Табл. 2. Инверсия систем жизнеобеспечения государства.

Система	Традиционная модель	Внедряемая модель
Государственная власть	Автосубъектная («самодержавная») идеократия	Либеральная демократия
Партийная система	Партия как заменитель Церкви на этапе модернизации; партия как носитель функции государственной идеологии; сращивание партийного и государственного аппарата.	Многopартийность (лучше – двухпартийность) как критерий демократии
Национальная система	Полиэтнизм традиционных империй: русское государствообразующее и духовнообразующее ядро (при зачислении в русские вне зависимости от крови) сочетаемое с многоцветием этнических идентичностей	Гражданская нация; модель этнического котла американской гражданственности.
Экономика	Этатистско-общинная модель хозяйствования, базирующаяся на коллективистских традициях организации труда в России	Открытая экономика рыночного хозяйствования, основанная на принципах индивидуальной конкуренции экономических субъектов.
Культура	Культура внутреннего переживания, служащая задачам духовного развития личности	Культура шоу, служащая задачам самореализации человека
Армия	Народная армия, формируемая через ценностную парадигму «ополчения»; принципиальная роль штатского резерва	Профессиональная армия, формируемая через архетип воина-легионера
Школа	Преимущественно воспитательное учреждение; репродуцировался тип церковной школы; учитель как воспитатель; общеобразовательный принцип	Школа как учреждение образовательного сервиса; клиентелистские отношения учитель – ученик; специализированный принцип
Высшее образование	Преимущественно фундаментальное образование; репродуцирование типа хри-	Обучение стандартам: модель «коммерческого университета»

Система	Традиционная модель	Внедряемая модель
	стианского позднесредневекового университета	
Здравоохранение	Государственная система медицинского обслуживания, восходящая к традиции созданного в XVII в. Аптекарского приказа	Частная страховая медицина
Наука	Государственная система научно-исследовательских институтов	Наука как вариант бизнеса; особое значение менеджерских услуг в продвижение научного продукта
Церковь	Выстраивается сверху (от Бога) вниз (к людям); иерократический иерархизм; значение обрядовой традиции	Выстраивается снизу как религиозное объединение; церковь – один из видов общественной организации; значение индивидуального религиозного опыта
Семья	Трехпоколенная модель организации семьи	Парная контрактная семья
Собственность	Традиция трудовой функциональной собственности, переносимой на идеологию «общенародной собственности» в советский период	Частная собственность
Социальная защита	Система государственных льгот; государство берет на себя расходы граждан	Система социального страхования; граждане посредством отчислений, обеспечивают свое благополучие при утрате трудоспособности
Аграрный сектор	Общинное (колхозное) хозяйство	Фермерское хозяйство
Суд	Народный суд, выносящий решение, исходя из критерия социального гуманизма	Профессиональный суд, выносящий решение, исходя из состязательного поединка сторон в трактовке законодательства
Система общественного порядка	Двухуровневая – государство в лице МВД и народ в лице народных дружин - милицейская модель	Полицейская модель преимущественного функционального подчинения органов общественного порядка
Спорт	Идеология командного духа; верность команде; в командных видах спорта акцент на игру в пас; ведомст-	Идеология спортсмена – профессионала, способного выступать за любой клуб; акцент на демон-

Система	Традиционная модель	Внедряемая модель
	венный принцип организации клубов	страцию индивидуальных качеств; регионально – муниципальный принцип организации клубов
Жилищно-коммунальное хозяйство	Государственная система жилищно-коммунального обеспечения	Ассоциативная контрактная модель обеспечения ЖКХ
Общественное питание	Производственные столовые, репродуцирующие модель коллективной общинной трапезы	Система быстрых уличных закусочных

Вызовы дезавуирования истории российской государственности

Неуспех деятельности «Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России» был предопределен принципиально неверно сформулированной перед ней основной задачей. Доказать факт фальсификации, т.е. сознательного искажения исторического материала, во многих случаях невозможно. Факты подбираются и интерпретируются в зависимости от выбранной методологической и ценностной парадигмы. А парадигма выбирается на основании общей объяснительной мировоззренческой модели и общей системы ценностей. Поэтому критика позиции в негативизации истории России выводит, как правило, от интерпретации фактов к рассмотрению мировоззрения и ценностей автора, или соответствующей научной школы. Но критика мировоззренческо-ценностной позиции не тождественна критике на предмет фальсификаций. Соответственно, и задачи, поставленные перед Комиссией, должны были быть принципиально иные: оказание целевого противодействия распространению исторических концепций и исторических интерпретаций, негативизирующих исторический образ России. Речь идет о противодействии историографической россиефобии. Ниже приведена подборка наиболее резонансных россиефобских концептов по разным периодам истории России. Их системное представление облегчает решение задачи организации активного противодействия им со стороны национальноориентированной отечественной исторической науки.

Ниже приводится краткий перечень осуществляемых в последние годы очернительских ревизий и провокаций в сфере историографии в отношении российской государственности. (Табл. 3).

Табл. 3. Перечень историографических мифов, дезавуирующих национальную историю России

Тема	Содержание мифа
Быт восточных славян	Практика человеческих жертвоприношений у восточных славян
Образование древнерусского государства	Реанимация норманнской теории; выхолащивание славянской компоненты в образовании древнерусского государства.
	История древнерусского государства разворачивалась на Балканах, где имелась сходная топография
Крещение Руси	Ошибочность православного выбора Владимира.
	Владимир не делал выбора в пользу православия, ввиду отсутствия в тот период самого разделения Церквей
	Кровавый характер русской христианизации, погром христианами развитой языческой культуры
Ярослав Мудрый	Первые русские святые – Борис и Глеб были убиты не Святополком Окаянным, а Ярославом Мудрым – первым фальсификатором истории.
	«Русская Правда» - подложный документ более поздней эпохи
Древнерусская культура	«Слово о полку Игореве» - подложный документ более поздней эпохи
Набеги кочевников	Агрессором в конфликтах с кочевыми народами выступала Русь; русская экспансия в «Дикое поле»
Основание Москвы	Территория Москвы – зона расселения финно-угорских племен
Юрий Долгорукий	Жестокости и увеселения Юрия Долгорукого в Киеве
Андрей Боголюбский	Репрессии Андрея Боголюбского против иноверцев: мусульман, иудеев, язычников
Этническая структура Киевской Руси	Киевская Русь – древнеукраинское государство
Новгород	Сведения о новгородской демократии носят вымышленный характер; новгородский олигархизм
Русь в период раздробленности	Главным политическим и культурным центром Руси периода раздробленности было не Владимиро-

Тема	Содержание мифа
	Суздальское, а Галицко-Волынское княжество
	Неславянская основа Владимиро-Суздальского княжества
Золотая Орда	Россия – политический и культурный наследник Золотой Орды (Татария); ордынская ценностная доминанта в русской истории
Нашествие Батыя	Русь не оказала сколько бы то ни было значительного сопротивления войскам Батыя
Татаро-монголы	Предательское по отношению к русским князьям военное и политическое сотрудничество с монголами Ярослава Всеволодовича и его сына Александра Ярославовича (Александр Невский)
Александр Невский	Невская битва – малозначительное столкновение; масштабы битвы на Чудском озере сильно преувеличены; «раскрутка» образа Александра Невского происходит при Иване Грозном.
	Жестокая карательная политика Александра Невского в Новгороде; подавление очагов антитатарского сопротивления.
	Демократическую альтернативу ордынскому деспотизму представлял Даниил Галицкий; предпочтительность пути предложенного Даниилом Галицким ставке на Орду Александра Невского
Великое княжество Литовское	Литовская демократическая альтернатива московскому деспотизму; предпочтительность литовской модели централизации русских земель
Централизация русских земель вокруг Москвы	Вероломство московских князей; основа успехов Москвы – поддержка татар; предпочтительность тверской модели централизации
	Вотчинное происхождение московской государственности
Иван Калита	Антирусский характер политики Ивана Калиты
Сергий Радонежский	Сергий Радонежский как политический интриган; политическая игра между тверским и московским князьями
Дмитрий Донской	Трусость, проявленная Дмитрием Донским во время Куликовской битвы и похода Тохтамыша.
	Реабилитация Олега Рязанского, отрицание трактовки его в качестве предателя
Куликовская битва	Не было единодушной поддержки русскими земляками похода Дмитрия Донского; масштабы Куликовской битвы преувеличены; победа над темником Мамаем не являлась победой над Ордой
	Куликовская битва – внутренний междоусобный конфликт

Тема	Содержание мифа
Свержение Ордынского ига	Ордынское государство распалось без участия Руси; Русь освободил от ига поход Тамерлана
«Москва - третий Рим»	Милитаристский характер концепта «Москва - третий Рим»; зарождение русского империализма
Иван III	Трусость Ивана III, проявленная во время стояния на реке Угре, вероломство при походах на Новгород: тиранический режим
Новгородско-московская ересь	Гонения на еретиков представлены как «русская инквизиция»
Нестяжатели и иосифляне	Победа иосифлянкой партии как торжество дезертистской модели, одно из факторных оснований последующей несвободы
Иван Грозный	Опричина как проявление личностной патологии Ивана Грозного.
	Иван Грозный не являлся сыном Василия III, а потому не был законным правителем.
	Иван Грозный как психопат и сексуальный извращенец
Покорение Казани	Зверство русских при взятии Казани
Присоединение Сибири	Насильственный характер присоединения Сибири; зверства русских землепроходцев
Смутное время	Положительная оценка реформатской деятельности Лжедмитрия I; демократическое правление
	Отсутствие реальной польской агрессии
Народное ополчение Д. Пожарского и К. Минина	Низкие полководческие способности Д. Пожарского
Введение крепостного права	Крепостничество как имманентное состояние российского социума
	Отождествление крепостного права с рабством
Бунташный век	Преимущественно разбойный характер российского социального протестного движения
Реформы Никона	Милитаристские, экспансионистские, религиозное реформирование в контексте борьбы за византийское наследие
Софья Иоанновна	Предпочтительность гуманитарного западничества Василия Голицына перед технократическим западничеством Петра I
Петр I	Петр I как «первый большевик на троне», создатель командно- административной системы; неоправданность жертв петровской модернизации.
	Освободительный характер деятельности Мазепы.
	Завещание Петра I как план создания мировой империи.
	Психопатологии Петра I, садист на престоле

Тема	Содержание мифа
Эпоха дворцовых переворотов	Благоприятность для России «немецкого засилья»
Анна Иоанновна	Разрыв «кондиций» «верховников» как исторический выбор несвободы
Семилетняя война	Все военные успехи России достигались через реализацию формулы «завалить неприятеля трупами»
Екатерина II	Политика этноцида на территории Украины и Польши. Замысел уничтожения Османской империи
Суворов	Суворов как каратель (подавление польских повстанцев и пугачевского бунта)
Павел I	План подрыва Британской империи через завоевание Индии
Присоединение Кавказа и Средней Азии	Жестокие карательные экспедиции русской армии. Политика этноцида на покоренных территориях. Колониальные зверства. Преступное разрушение традиционного уклада народов. Гонения на мусульманскую веру
Война 1812 г.	Наполеон пришел как освободитель русского народа от крепостного права. Победу на Бородинском поле одержала французская армия. Поражение французов в войне было обеспечено не военными, а природными факторами. Неспособность М.И. Кутузова к осуществлению роли полководца. Победный план войны был разработан не им, а М. Барклаем-де-Толли. Вторжение Наполеона в Россию имело превентивный характер
Кавказская война	Демократизм движения Шамиля. Положительная оценка его исторической деятельности. Политика геноцида Ермолова по отношению к горскому населению
«Золотой век» русской культуры	Подражательный характер русской культуры по отношению к западным культурным образцам
Николай I	Беспрецедентная по мировым масштабам тотальная коррумпированность российских чиновников Тотальная отсталость России при Николае I Николай I как душитель русской культуры
Александр II	Кровавые репрессии в Польше, «Муравьев-вешатель».
Национальный вопрос в России в конце XIX- начале XX вв	Россия как страна непрекращающихся еврейских погромов; государственная политика поддержки пограничников Панславизм как государственная идеология России
Народничество	Большевики как идейные преемники С. Нечаева; общность императива «цель оправдывает средства»
Народовольцы	Этическая оправданность народовольческого террора, осуществляемого во имя свободы

Тема	Содержание мифа
Восточный вопрос	Целевая установка России в восточном вопросе – раздел Османской империи
Русско-турецкая война 1877-1878 гг.	Неоправданность и обременительность для России вмешательства в «балканский вопрос»
Александр III	Алкоголизм и низкие интеллектуальные способности императора Русские злодеяния в Средней Азии
РСДРП	Истинные социал-демократы - меньшевики; большевизм не имеет ничего общего с марксистским учением; большевики - сектанты; социализм в России был невозможен
В.И. Ленин	Патологическое властолюбие; тиран; мотив мести за брата
Русско-японская война	Русско-японскую войну развязала Россия
Революция 1905-1907 гг.	Революция была осуществлена на японские деньги Черносотенные погромы были организованы государственной властью
Большевистская партия	Функционировала за счет экспроприаций - денег, полученных в результате грабежей
Первая мировая война	Агрессивный характер войны со стороны России
Октябрьская революция	Была осуществлена на счет немецких денег; В. И. Ленин- германский шпион. Успех Октябрьской революции определялся нежеланием привилегированного Петроградского гарнизона идти на фронт. Главную роль в революции сыграл не В.И. Ленин, а Л.Д. Троцкий. Главную роль в революции сыграли латышские стрелки Нелегитимность большевистского режима
И.В. Сталин	И.В. Сталин являлся шпионом охраны
Коалиция с левыми эсерами	Левозэсеровский мятеж был инспирирован большевиками, участие в нем Ф.Э. Вертинского
Брест-Литовский мир	Заключение В.И. Лениным мира как расплата с немцами за финансовую помощь
Покушение на жизнь В.И. Ленина	Организовано ближайшими соратниками В.И. Ленина по партии; Ф. Каплан была к нему непричастна
Военный коммунизм	Создание Л.Д. Троцким первых в мире концентрационных лагерей
Гражданская война	Тысячи жертв ВЧК в первые годы советской власти. Мифологичность подвигов героев Гражданской войны, таких как В. Чапаев или С. Буденый. Демократичность махновского движения.

Тема	Содержание мифа
	Предпочтительность «белой» и «самостийнической» альтернативы
Военный коммунизм	Сюжет о ленинском субботнике имел пропагандистско-мифологический характер
Смерть В.И. Ленина	В.И. Ленин был умерщвлен в результате заговора И.В. Сталина
Коминтерн	Практическая реализация планов мировой революции; подготовка, в частности, революционного переворота в Великобритании в 1926-1927 гг
	СССР как изгой из мирового культурного пространства
Индустриализация	Неоправданность высоких темпов индустриализации, приведших к разбалансированности народного хозяйства
Сталинские репрессии	Мотивировались исключительно патологическими чертами личности И.В. Сталина; убийство С.М. Кирова было инициировано И.В. Сталиным; апогей массовых репрессий приходится на время партийных чисток 1937 г.
Голод 1932-1933 гг.	Был искусственно инспирирован большевиками; в этническом отношении был направлен против украинцев
Культурная политика	Смерть С.Есенина имела насильственный характер и была инспирирована властями
Сталинизм	Сущностно подобен национал-социализму в Германии
Первые пятилетки	Комсомольские ударные стройки первых пятилеток воздвигались, в действительности, заключенными.
	Стахановское движение представляло собой тривиальное начетничество
Присоединение Западной Белоруссии и Украины	Вина за развязывание Второй мировой войны лежит в равной мере на Германии и СССР. Совместный советско-германский удар по Польше
Присоединение Прибалтики	Нелегитимная советская оккупация
Пакт Молотова-Риббентропа	Сталин и Гитлер договорились о разделе Европы
Великая Отечественная война	Превентивный удар со стороны Гитлера в 1941 г.
	Равноценность вклада союзников в победу над Германией.
	Гуманное обращение немцев с мирным населением на оккупированных территориях.
	Подвиги А. Матросова и З. Космодемьянской являлись пропагандистским вымыслом.
	Александр Матросов был не комсомольцем, а штрафбатовцем.
	Мародерские действия, чинимые партизанами. Военные успехи Г.К. Жукова определялись легкостью

Тема	Содержание мифа
	пожертвования им жизнью солдат. Положительная оценка власовского движения. Положительная оценка бендеровского движения, коллаборационисты как патриоты План И.В. Сталина по депортации в Сибирь всего украинского населения. Массовое мародерство и насилия, чинимые солдатами Красной Армии на территории Германии
Холодная война	Исключительная ответственность за развязывание холодной войны возлагается на СССР
Послевоенный период	Голод 1947 г. на Украине был искусственно инспирирован властями и направлен против украинцев. Создание СССР ядерного оружия всецело являлось результатом разведоперации. Кампания «борьбы с космополитизмом» сводилась к «сталинскому антисемитизму»
Л. П. Берия	Демократическая альтернатива Л. П. Берии; Л. П. Берия как инициатор разоблачения культа личности
Освоение космоса	Первая попытка запуска космического корабля с пилотом на борту окончилось неудачно, пилот погиб
Н.С. Хрущев	«Новочеркасский синдром», массовые «голодные бунты» в СССР
Л.И. Брежнев	Фактическое руководство государством при недееспособности Л.И. Брежнева осуществлял М.А. Суслов БАМ – бесполезная с экономической точки зрения стройка брежневской эпохи. Развитие СССР в брежневский период правления определялось маркером «застой». Система национальных отношений в СССР в брежневский период была сориентирована на преференции славянским народам
Война в Чечне	Чеченские террористы – борцы за свободу и демократию, антитеррористическая операция – агрессия России, попрание принципа национального самоопределения
В.В. Путин	Возрождение «русского империализма», рецидивы сталинизма, как во внешней, так и во внутренней политике

Тотальность приведенного перечня приводит к заключению о проектном характере осуществляемой в сфере истории ценностной инверсии. В соответствии с этим вы-

водом актуализируется задача выстраивания механизмов активного противодействия такого рода попыткам.

Резюме

Формирование исторической государственной политики России является сегодня вопросом ее цивилизационного выживания. Без этой политики невозможно поддерживать духовные скрепы российской государственности, о которых говорил президент в послании Федеральному собранию 2012 года. Без этой политики власти, не получивши уроков истории, будут в своих управленческих решениях «наступать на одни и те же грабли». Без этой политики, не установив исторические основания своего существования, российское общество обречено на распад отдельных идентификаторов. Вот почему именно вопросы истории вызывают в России особо острую полемику. Так остро не спорят ни по одному из предметов других общественных дисциплин. Через выбор исторической матрицы осуществляется, по большому счету, определение модели жизнеустройства России. Определяясь во взгляде на прошлое, государство устанавливает стратегические ориентиры на будущее.